

Ольга Висмут

Отец
(НЕ) МОЕГО
РЕБЕНКА

Ольга Висмут

Отец (не) моего ребенка

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

– Процедура ЭКО может занять время. Начнем на следующей неделе, как раз у Катерины будет время подготовиться.

– А если без ЭКО? – внезапно говорит клиент. Его глаза впиваются в меня. – Вам срочно нужны деньги, полагаю. Согласны?

– На что согласна? – непонимающе хмурюсь.

– Оплодотвориться естественным путем. За отдельную плату, конечно.

– Если эта плата будет авансом.

– Сколько?

– Пятнадцать тысяч евро...

Именно столько нужно на операцию для моего сына!

– Ваши запросы... впечатляют, – заявляет незнакомец

– У меня есть на это причины, – выдерживаю его взгляд.

– Ваши причины мне не интересны. Но очень интересно, как вы будете отбывать эти пятнадцать тысяч евро.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	67
Глава 8	77
Глава 9	88
Глава 10	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Ольга Висмут

Отец (не) моего ребенка

Глава 1

Взгляд скользит по мне. Холодный. Властный. Мужской. Ощупывает. Изучает.

Проникает под кожу, вызывая мурашки.

Нервно сглатываю, стараюсь скрыть свой страх от него.

Не выходит.

Жесткие губы под полумаской расплываются в довольной усмешке.

Еще бы, он – властитель мира, здесь всё подчиняется его прихотям. А я та, кто решила продать свое тело за деньги.

Пусть всего лишь, как суррогатная мать. Но это еще хуже, ведь я собираюсь продать будущего ребенка...

Нас здесь десять кандидаток. Мы стоим в ряд: нервничаем, мнемся и ждем, пока клиент выберет одну из нас. Его лицо до самых губ скрывает маска, но глаза в ее прорезях хищные, колкие. От взгляда невозможно скрыться.

Мужчина сидит, вольно откинувшись на спинку кресла. Но даже в такой позе видно, что он рослый и широкоплечий. Темно-синий строгий костюм только подчеркивает его статусность, как и дорогие часы на запястье.

Длинные пальцы с аккуратным маникюром поправляют лацкан пиджака.

Я перевожу взгляд на других женщин. Все они опытные суррогатные матери, у каждой в анамнезе от трех до шести родов.

Конечно, такая встреча с клиентом не по правилам, но кто платит – того и правила. Меня здесь вообще быть не должно. Но вчера позвонила Анна, подруга моей матери.

– Катька! – затараторила в трубку так быстро, будто боялась, что связь прервется. – Я знаю способ, как тебе достать денег! К нам в центр репродукции заявка поступила. Влиятельная бездетная пара ищет мать для своего ребенка. Завтра будет встреча с клиентом. Он хочет сам одобрить кандидатуру. Если согласна, жду в два, у себя в кабинете. Бумаги подготовим. Сама встреча в пять!

– погоди! – я ошарашенно прислонилась к стене. – Ты предлагаешь мне... стать суррогаткой?

– Фу как грубо! Я предлагаю тебе подарить другой женщине радость материнства. А взамен у тебя будут деньги на лечение Ильи!

Сердце болезненно сжалось. Деньги действительно очень нужны. Каждая минута промедления – это минус день из жизни моего сына. Но...

– Анна Игоревна, но деньги мне сейчас нужны. А за суррогатное материнство, насколько я знаю, платят по факту.

– Эта проблема решаема. С клиентом можно договорить-

ся и получить аванс. Ты по крайней мере сможешь сделать первый взнос за лечение!

Это было слишком хорошо, чтобы быть похожим на правду. Кусая губы, почти беззвучно выдохнула в трубку:

– А если... если он выберет не меня?

– Не переживай, я сделаю так, что у тебя не будет конкурентов!

И вот теперь я стою в шеренге товаров и поглядываю на них.

Анна Игоревна не преувеличила, когда сказала, что я буду вне конкуренции. Самая молодая и самая симпатичная. Могу сказать без лишней скромности. Потому что женщины вокруг меня выглядят усталыми, обрюзгшими, с оплывшей фигурой и печатью равнодушия на лице. Будто им уже все равно что с ними будет. Выберут – не выберут. Этаким рынок рабов со скидкой на современность.

Гость поднимается. Не торопясь проходит вдоль шеренги и каждой кандидатке заглядывает в глаза. Пока не останавливается напротив меня.

Его парфюм с табачными нотками тяжелым облаком ложится на плечи. Взгляд пригвождает к месту.

– Сколько вам лет? – спрашивает он бархатным, низким голосом.

Я вздрагиваю и перевожу взгляд на Анну Игоревну, которая стоит у него за спиной и подает мне тайные знаки.

– Двадцать семь, – говорю, а у самой горло сжимается.

Мужчина оборачивается к Анне:

– Эту беру.

Вот так. Будто я кусок мяса.

Вокруг раздаются разочарованные возгласы.

– Девочки, – Анна хлопает в ладоши, – всем спасибо, что пришли. Мы вам перезвоним, когда появится новый клиент. Кто хочет сдать свою яйцеклетку, пройдите в процедурный кабинет. Екатерина, – она сухо кивает мне, – пройдемте со мной.

Все кандидатки устремляются к выходу из кабинета. Мне же указывают на дверь в противоположной стене.

Иду, а у самой ноги с каждым шагом становятся все тяжелее. Будто к ним привязали пудовые гири. И на сердце тоскливо.

Правильно ли я поступаю? Да, это жертва во имя спасения сына... Но все же...

Еще непонятно, почему клиент один пришел. Почему не с женой? Или ей все равно, кто выносит их ребенка?

Погруженная в мысли, не замечая, как переступаю порог. Дверь за мной закрывается. Поднимаю голову и понимаю, что мы остались вдвоем в маленьком кабинете: я, Анна и незнакомец в маске.

– Присаживайтесь, – Анна Игоревна кивает на свободные кресла, сама же занимает место за столом, на котором стоит открытый ноутбук и принтер. – Сейчас все оформим.

Мои руки слегка трясутся. Я сажусь и зажимаю ладони

между коленей.

Мужчина устраивается напротив меня.

– Сухомлинская Екатерина Павловна, – зачитывает Анна. – Вдова. Полных двадцать семь лет, здорова, вредных привычек нет, наследственных заболеваний нет. Одна беременность, одни роды естественным путем. Ребенку четыре года, абсолютно здоров.

Она продолжает перечислять мои данные, а я не знаю, как скрыться от этого холодного, немигающего взгляда.

Незнакомец пугает меня. Смотрит так, будто я вещь, а он приценивается. Или нет, будто он уже купил меня и хочет использовать.

Но я выдерживаю. Приказываю себе успокоиться и выпрямляю спину.

Нельзя забывать, зачем я здесь. Все ради Ильюши и Настеньки. У меня нет других вариантов. Даже если придется идти торговать собой ради моих детей – я сделаю это.

И не важно, что Ильюша мне не родной по крови. Зато я любила его отца больше жизни. Сергей погиб, оставив меня с двумя детьми на руках.

Не успела я свыкнуться с мыслью, что его больше нет, как у Ильи – его сына от первого брака – обнаружилась наследственная болезнь!

Сказать, что я была в ужасе – ничего не сказать. Но больше всего боялась, что у Насти будет тот же диагноз.

Врачи убедили меня, что дочь в безопасности. А вот Илью

нужно срочно спасать. Искать донора. А где его взять, если отец погиб, а родная мать в бегах?

Был еще вариант – взять материал от неродного донора. Но цена вопроса почти двадцать тысяч евро! Это нереальные деньги.

За полгода я оббила все пороги, какие могла. Но мало кто хотел помочь вдове, у которой ничего нет за душой: ни денег, ни связей. Да, есть квартира в центре, доставшаяся от мужа. Я думала ее продать, но оказалось, что Сергей успел написать завещание на Илью. Нотариус объяснила, что он в своем праве, ведь эта квартира принадлежала ему до того, как мы поженились.

Так что я не смогла даже взять в банке кредит под заставу. А время поджимает, врачи сказали, что Илье срочно нужна операция! И я должна достать деньги любым путем!

– Вдова? – мужчина с интересом разглядывает меня. – Что случилось с вашим мужем?

– Авария на работе, – говорю, сглатывая комок.

– Кем он был?

– Промышленный альпинист...

– Соболезную.

Судя по равнодушному голосу, ни черта он не соболезнует. Я для него просто мясо, и ему плевать на мои чувства.

Анна что-то печатает, потом начинает жужжать принтер, выдавая бумагу. Она собирает листы в две стопки и протягивает нам, каждому по одной.

– Итак, вот договор в двух экземплярах. Прошу внимательно прочитать, проверить все данные и подписать. После этого мы сможем начать процесс.

Мужчина даже не смотрит в бумаги. Сверлит меня. Я же удивленно читаю:

– Тут указано, что суррогатная мать должна жить в доме клиента. Но...

Он перебивает:

– Это мое условие.

Поднимаю на Анну растерянный взгляд. Ее губы беззвучно шепчут:

– Соглашайся!

– В доме достаточно места, – добавляет мужчина.

А затем небрежным жестом касается маски.

* * *

Я вздрагиваю и пораженно вздыхаю.

Он ее снимет сейчас?

Нет, не снимает. Просто поправил.

Синева его глаз завораживает, гипнотизирует.

Чувствую себя как кролик перед удавом.

– Я согласна, – говорю хриплым от волнения голосом.

Отправляю Настю к бабушке. Моя мама будет рада познакомиться с внучкой. А я буду их навещать. В конце концов, никто не сможет посадить меня под домашний арест, это про-

тивозаконно. Но лучше обговорить это прямо сейчас.

– Скажите, я смогу навещать дочь? Она будет жить у моей матери в Рассветном.

– Рассветное? Это ведь в нашем районе? – мужчина на секунду прикрывает глаза. Потом кивает. – Если беременность будет протекать без осложнений. Но с сопровождением.

– С сопровождением? – удивленно смотрю на него.

– Разумеется. Вы же не думаете, что я не приставлю охрану к такому ценному объекту?

О как! Я уже не мясо. Меня повысили до ценного объекта. Даже не знаю, то ли рассыпаться в благодарностях, то ли швырнуть договор в эту маску и хлопнуть дверью.

Тише, Катя, тише. Не нервничай. Возьми себя в руки. Это все ради Ильи.

Если бы только Сергей был жив! Мне бы не пришлось проходить через это одной...

– Это обычная практика, – вмешивается Анна. – Суррогатная мать может проживать с клиентами или на выделенной ими жилплощади. Сейчас оформлю дополнение к договору.

Она начинает печатать.

Я опускаю взгляд на бумаги. На последней странице прописана сумма. Не веря своим глазам, смотрю на клиента:

– Кажется... здесь ошибка...

Я же нарочно проверяла! Суррогатное материнство стоит примерно двадцать тысяч евро, а в договоре написана сумма

в два раза больше!

– Никакой ошибки, – бесстрастно произносит мужчина. – Это надбавка за молчание. Сейчас вы подпишите не только договор на суррогатное материнство, но и соглашение о неразглашении. Все, что вы увидите или услышите в моем доме, должно там и остаться.

От его голоса у меня по спине мурашки бегут.

Нет, он не угрожает. Пока. Но есть в его тоне что-то такое, от чего хочется сжаться в комок и исчезнуть.

Кто же этот незнакомец?

Вокруг него витает такая аура силы и власти, что мне даже дышать тяжело.

Сглатываю горький комок.

– Я... мне нужно о чем-то знать? – голос немного дрожит.

– Например? – он усмехается.

– Вы... вы же не собираетесь отправить будущего ребенка на органы? – озвучиваю бредовую мысль, которая пришла мне в голову.

Мужчина явно удивлен. Минуту он смотрит на меня с немым изумлением, потом начинает смеяться.

– Поверьте, – говорит, отсмеявшись, – нужные органы можно достать гораздо дешевле!

Мне хочется сгореть со стыда.

– Так, вот дополнение, – Анна передает нам еще несколько бумаг. – Процедура ЭКО может занять время. Начнем на следующей неделе, как раз у Катерины будет время подгото-

виться.

– А если без ЭКО? – внезапно говорит клиент. Его глаза впиваются в меня. – Похоже, девушке очень нужны деньги, раз она пошла на такое. Ну как, согласны за отдельную плату?

– На что согласна? – непонимающе хмурюсь.

– Оплодотвориться естественным путем.

– Прошу прощения, но... – встревает Анна.

Он жестом приказывает ей замолчать.

– Пусть девушка сама решит, – звучит вкрадчивый голос.

Хищные губы мужчины раздвигает усмешка. Он чувствует себя хозяином жизни, а я всего лишь грязь у него на подошве.

Мои руки сами сжимаются в кулаки. Так же нельзя! Меня предупредили, что только ЭКО. Без постели. А он, гад просто!

Так, спокойно. Я здесь не ради себя. У меня есть цель. А что есть у него, кроме денег?

– Если эта плата будет авансом, – вздергиваю подбородок. Взгляд незнакомца темнеет.

– И во сколько вы оцениваете свои услуги? – говорит он тягучим, насмешливым тоном.

– Пятнадцать тысяч евро! – чеканю, глядя в его глаза.

Это цена Ильюшиной операции и месяца пребывания в клинике. Через год понадобится повторная. Но к тому времени я рожу и получу свои деньги.

Даже если придется переспать с этим типом...

Я постараюсь не залететь. Выпью таблетки. А Анна потом поможет с ЭКО.

Буду относиться к этому просто как к контактной работе. Ни больше, ни меньше.

Синий взгляд холодеет. У меня по коже пробегает озноб.

– Ваши запросы... впечатляют, – заявляет незнакомец.

– У меня есть на это причины, – выдерживаю его взгляд.

– Ваши причины мне не интересны. Но очень интересно, как вы будете отрабатывать эти пятнадцать тысяч евро. Я, знаете ли, весьма капризный клиент.

Он даже не скрывает что издевается надо мной.

– Простите, что вмешиваюсь, – Анна прерывает наш обмен любезностями, – но должна предупредить о рисках. При зачатии естественным путем это будет уже не суррогатное материнство! К тому же я не смогу гарантировать результат. Возможно, понадобятся месяцы...

– Вот и отлично. Я никуда не спешу, – незнакомец вальяжно откидывается на спинку кресла и продолжает смотреть на меня.

Синева его глаз пугает. Вскочить, отвесить пощечину и сбежать. Только это и хочется.

– Но... суррогатное материнство предполагает ЭКО-проц...

– Анна Игоревна, вам напомнить, сколько я вкладываю в ваш центр? К тому же девушка согласна. Ведь так?

Оба смотрят на меня. Анна – в ужасе. Он – насмешливо.

– Да, – говорю севшим голосом. – Я согласна. Только с условием.

На меня смотрят как на пыль под ботинком.

– И какое же ты мне можешь поставить условие? – усмехается он.

– Деньги вперед, – твердо смотрю на него.

Ну давай же, откажись! Прояви человечность!

– А ты не так проста, как выглядишь.

– Я дам расчетный счет, куда их перевести.

Он хищно усмехается:

– По рукам. Но ты будешь молча исполнять мои желания, пока врач не подтвердит беременность.

Молча киваю. На душе становится гадко. На что я сейчас подписалась?

Глава 2

Мы подписываем договор. Мое имя стоит там полностью, а вот личность клиента скрывается за таинственным «господин В. Д. Барковский».

Фамилия смутно знакомая. Вроде бы я ее где-то слышала мельком... Может, по телевизору? Хотя, откуда? Я последние годы на онлайн-кинотеатрах сидела, Сережа даже кабельное отключил, потому что нас в семье никто его не смотрел.

Ну вот, опять вспомнила. И опять в носу защипало от непрошенных слез.

Быстро беру себя в руки. Еще не хватало расплакаться перед этим...

Между тем, В. Д. Барковский подходит ко мне и небрежно роняет на стол визитку:

– Запомни мой номер. А лучше, запиши в телефон. Позвонишь в девять вечера, скажешь, где тебя забрать. Я пока позабочусь о месте.

Вот так просто?

Поднимаю ошарашенный взгляд:

– А вы не боитесь, что я обману?

Он жестко усмехается:

– Нет, девочка, не боюсь. Это же тебе нужны деньги. За тобой заедет мой человек. И приготовь счет. Когда деньги

будут зачислены, ты отработаешь все, до последнего цента.

Мужчина уходит, а я продолжаю сидеть, глядя на серый прямоугольник картона так, будто это бомба, способная взорваться от малейшего прикосновения.

Едва дверь за ним закрывается, как на меня налетает Анна:

– Катька! Ты с ума сошла?! Ты хоть знаешь, кто это?!

– Да хоть сам президент! – поднимаю лицо, а по щекам текут слезы.

Больше не нужно их сдерживать.

– Если бы президент! Я бы тогда сказала, что тебе повезло. А этот... сотрет тебя в порошок!

– Всю не сотрет, – усмехаюсь.

– Катя, одумайся, – она меняет тон на умоляющий. – Позвони ему сейчас и скажи, что передумала или что пошутила. Ты даже представить не можешь, куда суешь свою голову!

– А разве не вы пригласили меня сюда, Анна Игоревна? – смотрю на нее.

– Так я помочь тебе хотела! Знаю ведь, что у тебя горе с Ильюшкой. А ты мне не чужая, мы с твоей матерью уже пятьдесят лет дружим!

– Вот и помогайте.

– Но не так же! Одно дело ЭКО, а другое – переспать с этим...

Я вздыхаю и останавливаю ее:

– Вы мне вот что скажите, у него деньги есть?

– Есть, – кивает она. – У него все есть.

– Вот и отлично.

Поднимаюсь, не забывая сжать в кулаке визитку. На ощупь это не картонка, а пластик размером с половину банковской карты.

– Спасибо за все, Анна Сергеевна, – улыбаюсь оторопевшей женщине. – Маме привет передам.

И пулей вылетаю из кабинета. Только бы не передумать, только бы не утратить решимость!

В приемной, где проходил отбор, мой взгляд прикипает к пустому столу.

Нет, не пустому.

На больнично-белой столешнице одиноко лежит темная маска.

Завороженно подхожу и касаюсь ее. Пальцы скользят по бархату. Тот еще хранит тепло кожи, которую он скрывал.

Господин Барковский так и не показал мне лица. Покажет ли сегодня ночью?

Опускаю взгляд на кулак, в котором сжимаю визитку. Раскрываю ладонь. На сером пластике нет ничего, кроме цифр мобильного номера. Ни фамилии, ни инициалов.

В сердце забирается холодок, но я упорно его гоню. Мне плевать, кто этот мужчина и что он может сделать со мной. Если его деньги спасут жизнь Илье, я сделаю все, что он скажет!

Дома меня ждет тяжелый разговор. Я попросила подружку посидеть с Настей, а теперь прошу ее остаться на ночь.

– Понимаешь, мне вечером надо будет уйти...

– Куда это? – Вика с подозрением смотрит на меня.

Из детской доносятся довольные крики: это Настя и Викин сын Тоха играют во что-то. Тоха на два года старше, но мою мелочь не обижает, относится к ней снисходительно.

– Надо, – сообщаю туманно и тут же добавляю: – Ничего криминального! Ну пожалуйста!

Складываю ладони перед собой.

Вика окидывает меня скептическим взглядом:

– Неужели наконец-то нашла мужика? Ну, ради такого ладно, останусь.

Я решаю не развеивать ее заблуждений. Меньше знает – крепче спит. Да и как объяснить подруге, что я собираюсь переспать с незнакомцем за деньги?

Чувствую себя...

Нет, не шлюхой, не проституткой, а... рабыней.

Вещью.

Вот, самое подходящее слово.

Ох, лучше не думать о таком! Хватит того, что этот Барковский меня пугает. Ладно, мне деньги нужны. А что его толкнуло на такой безумный поступок? Пообещать пятна-

дцать тысяч евро за возможность переспать с незнакомкой?

Позже мы с Викой готовим ужин. Точнее, она готовит, а я, примостившись с ноутбуком на краю стола, дописываю статью.

Хозяйка из меня никакая, мой талант в другом: умею собирать, анализировать и превращать в связный текст любую информацию. Раньше зарабатывала тем, что выставляла свободные статьи на бирже фриланса. А позже стала вести анонимный блог.

Смерть Сережи сильно меня подкосила. Я много дней провела в депрессии, но однажды открыла ноутбук, завела новую страницу в Инстаграме и просто высказала в никуда все, что на душе накопилось.

К моему удивлению, люди откликнулись. На следующий день не могла поверить своим глазам, столько было комментариев под постом! С тех пор я стала вести своеобразный «дневник». Каждый вечер рассказывать о своих переживаниях и событиях дня.

Мои подписчики потихоньку растут, но это не радует. Да, эти люди сочувствуют мне, дают советы, хотят поддержать. Но ни один из них не в силах ни решить моих проблем, ни взять на себя часть моей боли...

Сегодня пишу о мужчине в маске.

Вика заглядывает через плечо:

– Ого, и такое бывает?

– Нет, – поспешно закрываю экран, – это мне просто при-

снилось.

– Ясно. Ну, ты так и не сказала, как все прошло? Тебя выбрали?

– Да.

– Ох, надо бы порадоваться за тебя, но прости... – она смахивает слезу, – что-то не получается. Боюсь я, Катька. А вдруг с тобой что-то случится?

– Не глупи? Ну что со мной может случиться?

Я с преувеличенной бодростью рассказываю ей, что подписала договор и после оплодотворения буду жить в доме клиента.

– Он женат, – предупреждаю ее вопросы. – Там и жена будет. Так что все прилично.

– А Настюху куда? К матери отвезешь? – Вика понимающе шмыгает носом.

– Да, она уже ждет.

– Ох, не знаю, как она согласилась!

– А у нее был выбор? У меня его тоже нет, сама понимаешь.

Мы ужинаем, укладываем детей спать и сидим на кухне, пьем чай, пока на моем телефоне не начинает пищать будильник.

Восемь часов. Еще рано, но я не хочу, чтобы Барковский знал, где я живу. Поэтому еще раз благодарю Вику, собираюсь и вызываю такси. Прошу водителя отвезти меня в кафе на другой конец города.

Еще несколько минут нервно пью кофе из бумажного стаканчика, сидя в полупустом кафе. И только когда часы на смартфоне показывают ровно двадцать один ноль-ноль, я набираю номер с визитки.

Через десять минут к кафе подъезжает черный джип с тонированными стеклами. И как назло начинается дождь. Зимы у нас теплые, грязь и дождь со снегом – обычное дело.

Джип останавливается напротив входа. Мой телефон начинает звонить. С опаской прикладываю его к уху:

– Слушаю...

Голос срывается.

– Машину видишь?

– Д-да...

– Выходи.

Звонок обрывается.

На негнущихся ногах поднимаюсь и иду по проходу между столиков.

На стеклянной двери позвякивают колокольчики и перебиваются неоновые гирлянды. За моей спиной официантка убирает со стола недопитый кофе. А я медленно, как под гипнозом, шаг за шагомдвигаюсь к выходу. И к огромной машине, которая ждет меня под дождем.

Но стоит мне ступить на крыльцо, как водительская дверь открывается. Навстречу мне выходит мужчина в длинном сером пальто и кожаных перчатках. У него гладко выбритый череп, мощная челюсть и серые глаза. А еще большой зонт-

трость в руках.

Я втягиваю голову в плечи. Неприятно, когда ледяные капли падают за воротник.

Мужчина окидывает меня внимательным взглядом:

– Катерина Сухомлинская?

– Да, это я...

Судя по голосу, это не он со мной разговаривал по телефону.

– Прошу в машину, – незнакомец раскрывает надо мной зонт. – Меня зовут Стас, сегодня я буду вашим водителем.

Водителем?

Скептически смотрю на него. Да с таким ростом и фигурой он скорее может быть боксером-тяжеловесом! Но за зонт я ему благодарна.

Только есть у нас одно нерешенное дело.

– Я с вами никуда не поеду, – отступаю. – Ваш хозяин мне кое-что обещал!

– Разумеется. Господин Барковский предупредил, что я должен помочь вам в одном деле, – ровно говорит Стас. – Вы приготовили счет, куда перевести ваш гонорар?

Ах, так вот как таинственный В. Д. называет это. Гонорар. Чистоплюй!

Протягиваю Стасу бумажку:

– Вот. Когда деньги будут зачислены, мне придет сообщение.

Жду, что он предложит зайти в кафе или сесть в машину,

не переводить же такие огромные деньги, стоя на крыльце под дождем. Но нет! Стас достает телефон, звонит кому-то и зачитывает данные с моей бумажки.

Я успела связаться с банком и все разузнать.

Такую огромную сумму просто так не переведешь, даже если на евро-карту. Поэтому мне пришлось записать реквизиты для SWIFT-перевода. По ним никаких ограничений нет и не требуется подтверждать легальность денег. Зато я получу уведомление на телефон и буду точно знать, что деньги пришли!

Смотрю на Стаса. Тот убирает телефон в карман и флегматично сообщает:

– Пять минут.

Я нервничаю. Мне не нравится стоять на крыльце. Может, лучше вернуться в кафе? А что это изменит?

Звук СМС-ки заставляет меня вздрогнуть. Смотрю в телефон. «Операция прошла успешно, на ваш счет зачислена сумма...»

Сердце прыгает в груди раненым зайцем. Вот и все. Пора отрабатывать «гонорар».

Иду за Стасом с таким чувством, будто меня ведут на электрический стул. Он открывает пассажирскую дверь и помогает забраться в салон.

Внутри никого нет. Я удивлена. Думала, Барковский будет ждать в автомобиле, как мафиози в криминальных романах.

– Пристегнитесь, – голос Стаса возвращает в реальность.

Дрожащими пальцами закрепляю ремень безопасности. Миг – и мы уже бесшумно летим по магистрали.

* * *

В машине тепло и приятно пахнет кожей. Под еле слышный гул мотора и легкое покачивание я начинаю дремать.

Еще несколько минут назад меня сковывало такое напряжение, что дышалось с трудом. А теперь, когда деньги получены, я испытала облегчение. Такое сильное, что даже внутри все перевернулось. И вот результат – мое тело меня предало и отрубилось.

Я не почувствовала, как машина остановилась. Не услышала, как хлопнула дверь. Только когда кто-то потряс меня за плечо, ошарашенно распахнула глаза:

– А?! Что?!

Не сразу сообразила, где я и что это за пугающий лысый тип смотрит на меня.

– Приехали, – Стас показывает за здание у себя за спиной.

Смотрю на знакомый фасад, освещенный огнями, и не могу поверить глазам. Это... Ритц-Карлтон?

Я еще сплю?

От шока выползаю под дождь. Стас тут же раскрывает зонт и ведет меня, очумевшую, к роскошным дверям. Нас встречает молодой человек в строгом костюме и с будто приклеенной улыбкой на полных губах.

Не прекращая улыбаться, он здоровается и приглашает меня следовать за ним.

Растерянно оглядываюсь на Стаса. Но тот уже развернулся и идет к своей машине. Вот так просто, передал меня из рук в руки как вещь.

Я и есть вещь – напоминаю себе. Сама согласилась!

Вслед за работником отеля вхожу в прозрачный лифт-коллабу. Боюсь даже спрашивать, на какой нам этаж. Да и зачем? Разве это что-то изменит?

Но вот двери с легким звоном раздвигаются, и я делаю шаг вперед.

– Приятного отдыха, – звучит голос у меня за спиной.

Оглядываюсь. Но лифт уже закрылся и поехал назад. Я осталась одна в огромных апартаментах, обставленных с невиданной роскошью. А в панорамных окнах сияет огнями ночной город.

Коротко выдохнув, подбегаю к одному из окон. Смотрю вниз – и кружится голова. Я в пентхаусе. В номере люкс. В одном из дорогуших отелей мира. И да, я самая дорогая шлюха на этой планете, которая продалась за пятнадцать тысяч евро!

Мама может мною гордиться!

Меня накрывает нервный смех.

Несколько минут мечусь по апартаментам, заглядываю во все двери, шарахаюсь от полного бара и огромной джакузи в ванной.

В одной из комнат вижу кровать размером с мою спальню. На ней легко поместится десять людей и они не будут друг другу мешать!

Наверное, это то самое место, где мне полагается ждать В. Д. Но я физически не могу заставить себя даже приблизиться к этой кровати! Мне страшно. Вся моя храбрость и бравада куда-то исчезли, стоило только войти сюда...

В конце концов, возвращаюсь в гостиную. Сажусь на диван. Уже десять часов, а никто не приходит. Может, этот В. Д. забыл про меня?

Хорошо бы...

Одиннадцать...

Двенадцать...

Сворачиваюсь на диване калачиком. Убиваю время, делюсь своими ощущениями в онлайн-дневнике. Затем бездумно листаю ленту. Смотрю короткие видео, чьи-то фото...

Усталость берет свое. Не замечаю, как начинаю дремать. Телефон выпадает из рук...

Звонок лифта доносится сквозь сон как нечто далекое и незначительное. Слышу чьи-то шаги. Звук выключателя...

Чужое присутствие заставляет меня нервно вздрогнуть и сесть. Открыв глаза, вглядываюсь в темноту...

Меня накрывает паника.

Почему темно? В гостиной горел свет!

– Проснулась? – знакомый голос звучит из кресла напротив дивана.

В темноте вижу только очертания крупной фигуры.

– Это вы? – шепчу в прострации. – Как мне вас называть?

– Как тебе больше нравится? – в голосе чувствуется издевка. – Милый, дорогой, единственный?

Паника отступает. Ей на смену приходит злость.

– Это ваше условие? – холодно осведомляюсь.

– Нет, лучше вообще молчи. Просто молча делай, что я скажу. Подойди!

Я встаю с дивана и подхожу к нему. От мужчины разит спиртным. Сильно разит, будто он весь вечер где-то бухал. А еще ребенка делать собрался!

Щелчок – и на столе рядом с ним включается лампа. Только свет направлен на меня!

Я морщусь, закрываю глаза рукой.

– Сними с меня ботинки! – слышу приказ.

Наклоняюсь.

– Нет, не так. На коленях!

Ладно. Потешу его самолюбие.

Опускаюсь на колени. Развязываю шнурки на дорогих ботинках. Этот гад не помогает, только смотрит на меня так пронзительно, что я чувствую его взгляд всей кожей. А еще он тяжело дышит.

Его рука ложится мне на плечо. Я застываю.

– Встань! – раздается приказ. – Сними с себя кофту. Хочу видеть, за что заплатил.

Кусая губы, делаю, как он сказал.

– И это тоже снимай! – указывает на футболку.

Под ней у меня только лифчик. Самый простой: гладкий, телесного цвета.

– А ты не очень-то готовилась меня соблазнять, – язвительно тянет мужчина. – Снимай свои тряпки.

– Все? – зачем-то спрашиваю.

А у самой от страха ноги подкашиваются. Он же меня тут убить может, и никто ему слова не скажет – откупится!

– Все. Раздевайся! – он цепляет пальцем пояс моих джинсов и тянет на себя. – Или думала, я здесь с тобой в куклы играть буду?

Разуваюсь, словно в бреду. Расстегиваю джинсы и трясущимися руками стаскиваю их с себя. Остаюсь в одном белье и невольно прикрываю грудь руками.

Взгляд мужчины пронизывает меня до костей.

– Продолжай, – он кивает. – Только медленно.

Боже, это не я. Это все происходит не со мной. Надо просто представить, что это сон или кино. Абстрагироваться!

Кто же знал, что будет так страшно?

Одной рукой прикрываю грудь, другую завожу за спину и нащупываю застёжку. Расстегнуть ее получается не с первого раза. Снимаю бретельку с одного плеча, потом с другого. Теперь грудь прикрывают только чашечки лифчика и мои руки.

– Опusti руки, – хрипло шепчет мужчина.

Подчиняюсь приказу.

Лифчик падает вниз.

Глава 3

Мне так страшно, что я не могу оторвать взгляд от пола и взглянуть на того, кто сидит в кресле напротив.

– Теперь трусы, – напоминает он, насладившись зрелищем.

Негнушимаися пальцами берусь за резинку и тяну вниз.

– Не так. Повернись ко мне боком. Прогни спину. Медленно... Наклоняйся до самого пола...

Я ему что, порнозвезда?!

– Теперь так же медленно выпрямись... Перешагни.

Послушно перешагиваю через кучку белья.

Сердце гулко колотится, отдаваясь в висках. Что он теперь потребует? Снова встать на колени? Раздеть его?

В голове проносится сотня сумасшедших мыслей, но все они только пугают меня.

Мужчина делает странный жест. Будто подносит руку к горлу и поправляет то ли галстук, то ли воротник. Я не могу понять из-за яркого света, бьющего мне в лицо.

– Теперь иди в душ, – говорит он низким хриплым тоном, от которого у меня внутри все сжимается. – Красиво иди. Чтобы я смотрел на тебя и хотел.

Ему нравится надо мной издеваться? Почему нельзя просто раздвинуть ноги и...

– Красиво! – слышу резкий приказ. – За такие деньги я

мог снять на полгода элитный бордель. А не жалкую тощую дурочку, у которой нет даже сисек! Тебя что, в детстве мало кормили?

Сволочь! Чем ему моя грудь не нравится? Может, он предпочитает бидоны пятого размера? Ну да, куда уж мне с моей двоечкой!

Хочется обернуться и наброситься на него с кулаками. Но я молча продолжаю идти вперед. Голая. Дрожащая. Чувствуя, как по щекам бегут слезы.

В душе долго стою под струями воды. Напряженно прислушиваюсь и жду, когда он войдет или позовет меня. Но ни того, ни другого не происходит.

Выходить самой не хочется. Я сползаю на дно кабинки, обнимаю колени и сижу так, пока спина не начинает болеть от водных струй.

Все-таки приходится выйти.

Хорошо, что здесь есть халат. Он такой большой, что скрывает меня до самого пола.

Осторожно заглядываю в гостиную. Лампа выключена, но света из окон достаточно, чтобы понять: в кресле никого нет. И вообще в гостиной никого нет.

Подхожу к спальне. Дверь чуть приоткрыта. В полумраке видно мужское тело, раскинувшееся на кровати. На кресле рядом небрежно брошен пиджак и галстук.

Он спит?

Не могу поверить в свою удачу.

Неужели он был так пьян, что уснул, не дождавшись меня из душа?

Хочу увидеть его лицо, но боюсь разбудить. К тому же он лежит затылком ко входу. Мне придется войти в спальню и обойти кровать, а делать этого очень не хочется. На кой мне его лицо?

Из гостиной доносится трель моего телефона.

Мужчина на кровати что-то мычит.

Я в ужасе бросаюсь в гостиную, телефон все еще на диване. Хватаю его, лихорадочно тычу на кнопку громкости. Но он продолжает звонить.

– Алло? – выдыхаю хриплым шепотом.

– Катерина? Это Стас. Господин Барковский приказал отвести вас домой.

Ничего не понимая, смотрю на экран. Кто мне звонит? Стас?..

Да, это Стас.

Он даже не представляет, как я рада слышать его!

* * *

– Мам, а куда мы едем?

– К бабушке, – сжимаю маленькую ручку своей дочери.

– А там будут игрушки? – спрашивает Настена и болтает ножками в чужой машине.

– Конечно, будут.

– Мам, а ты куда уезжаешь? – продолжает маленькая почемучка.

– В один дом.

– Ты будешь там работать?

– Да, какое-то время, – поясняю, чувствуя на себе любопытный взгляд Стаса. – И обязательно к тебе вернусь. Просто нельзя туда с детьми, да и я буду занята весь день.

Машина скользит по дороге. Мягкий салон и личный водитель. Он то и дело посматривает на нас в зеркало заднего вида.

Барковский боится, что я сбегу? Даже как-то смешно думать об этом. Куда мне бежать?

После той ночи в отеле я первым делом встретила с врачами Ильюши и перевела деньги на счет клиники. А затем помчалась в Центр репродукции к Анне Игоревне. Потому что утром от Барковского пришла СМС-ка: «Вернусь в город через три недели. Надеюсь, этому времени ты будешь беременна. Или нам придется повторить... процедуру».

Нужно ли говорить, что повторения я не хотела? Но мне повезло, мой организм был готов принять чужой эмбрион.

Как сказала Анна Игоревна, донором яйцеклетки стала жена господина Барковского – Эльвира. Она отказалась рожать сама.

– Эти богачи с ума сходят, – ворчала Анна, пока я одевалась после процедуры. – Рожать сами не хотят, чтобы фигуру не портить. Правильно, за деньги все купить можно. Даже

чужую матку!

А еще жизнь ребенка.

Я не стала напоминать ей об этом. Раньше думала, что не в деньгах счастье. Мы с Сережей не были миллионерами, жили скромно, но душа в душу. А теперь знаю, что бывают моменты, когда только деньги могут помочь. Большие деньги. И ты готов на все, на любое безумство или преступление, чтобы их получить.

Если бы вместо ЭКО мне предложили кого-то убить за эту же сумму, я... наверное согласилась. Чужая жизнь ничего не значит, когда речь идет о жизни того, кого любишь.

Следующие две недели я пила гормональные препараты. Потом сдала анализы, и Анна подтвердила беременность.

В тот же день пришла СМС-ка от Барковского: «Завтра за тобой заедет Стас. Собирай вещи».

От волнения я чуть телефон не разбила. Негнущимися пальцами написала ему, что не могу так внезапно! Мне нужно отвести дочку к бабушке!

На что получила лаконичный ответ: «Стас отвезет. Будь готова к восьми»

Восьми утра? Восьми вечера? Этот мужчина вообще умеет говорить на человеческом языке? Или ему деньги не только совесть, но и мозги заменили?!

Стас позвонил ровно в восемь утра. Еще час я бестолково бегала по квартире, собирая Настюшкины вещи. У меня дрожали ноги и все валилось из рук. А теперь мы сидим в ма-

шине, и я поминутно одергиваю четырехлетнюю дочь, чтобы она не долбила ногами в спинку сиденья.

Через три часа въезжаем в село. Останавливаемся возле небольшого белого домика. Его строил мой дед. А сейчас там живет моя мама.

Моя мама еще не старая женщина. Вполне моложавая. Всю жизнь проработала на ферме зоотехником, а вышла на пенсию и занялась огородом. Отказалась перебираться в город, хоть мы с Сережей много раз упрашивали ее.

– Ну как я все это брошу?! – восклицала она всякий раз, едва заходил разговор о переезде. – И вам разве плохо, что я здесь живу? Всегда в гости приехать можете! Чай не дальний свет – двести километров. Зато огурчики свои, помидорки. А клубника какая! Вы в своем городе «пластмассовую» покупаете за дурные деньги, а тут все свое, все натуральное. И детишкам лучше всего расти на природе!

– Бабушка! Бабушка! – кричит Настя, завидев ее на крыльце. – Баба Нина!

– Ах ты мое золотце! – мама спешит нам навстречу.

Настя первой выбирается из машины, прыгает бабушке на руки:

– Ба-а-а! Я к тебе жить приехала! Сама! Как взрослая! Я же смотрю на них с чувством вины.

– Мам, – говорю, – я тебе скину на карту Настюшкину пенсию, как придет.

– Ой, не выдумывай, – она машет рукой, – тебе самой

деньги нужны! Ильюшке лишнюю мандарину купишь. А мы тут с голоду не помрем. Соседи недавно кабанчика резали, я у них парного мясца купила. А в погребе столько солений, что можно год в магазин не ходить!

У меня на глазах собираются слезы. Ничего не могу поделать с собой. Обнимаю маму, утыкаюсь носом ей в плечо и всхлипываю:

– Ты у меня самая замечательная мама на свете.

– Тише, деточка, не пугай ребенка.

– Мама! Мама! – Настя дергает меня за рукав. – Ты плачешь?

– Нет, – за меня отвечает бабушка, – то ей просто соринка в глаз попала. Идем-ка в дом, моя крохотулечка.

Они вместе направляются к дому, я же возвращаюсь к машине за вещами. К моему удивлению Стас стоит на улице, прислонившись к капоту. Интересно, как много он слышал?

Делаю вид, что не замечаю его пристального взгляда. Наверное, Барковский сказал следить за мной и все докладывать. Как же, я теперь ценный объект – живой инкубатор для будущего наследника. Вон как Стасик бросается к багажнику и достает чемоданы. Правильно, меня надо беречь.

Стас несет чемоданы к дому. Он их и из квартиры нести помогал. И чего я на него взъелась? Он ведь как я, работает на Барковского, просто немного иначе.

Дальше крыльца я его не пускаю. Сама закатываю чемодан в сени и прошу дать мне полчаса.

Он молча достает телефон. Спрашивает в трубку, можем ли мы задержаться.

Слышит ответ и кивает мне.

– У вас есть полчаса, – сообщает. – Не больше.

Я захожу в дом.

Глава 4

– Ба, а я буду в маминой кровати спать или в твоей?

– А ты как хочешь?

– И так, и так!

– Ах, ты моя хитрюля!

Я стою, прислонившись к дверному проему, и смотрю, как моя мать возится со своей внучкой. На губах сама собой появляется улыбка: Настя знает, из кого можно веревки вить.

Это дом моего детства. Комната, в которой я выросла. Мама ничего не меняла после того, как я уехала в город учиться. Так что сейчас моя дочь с любопытством заглядывает во все углы. Вон, даже вытащила из-под кровати ящик со старыми куклами. Надо же, мама и их хранит!

– Ба, смотри, сколько игрушек! – Настюха смотрит на открытые сокровища.

– Да, в них еще твоя мама играла. Мы с тобой съездим в город и купим еще.

Я отвожу взгляд. Больно. Так больно. Девять месяцев мне придется провести без своей малышки. Не ходить с ней по торговому центру, не выбирать игрушки.

С моим маленьким солнышком.

– Кать, ты только звони, поняла? – говорит мама, когда выходим в коридор. – Чтобы мы знали, что с тобой все в порядке.

– Хорошо, мам, – киваю. – Буду каждый вечер по видеосвязи звонить перед сном.

– Каждый, не каждый, а звони! Чтобы дочь тебя не забыла. Судорожно выдыхаю:

– Я поняла.

– Беспокоюсь я за тебя! – она берет меня за руку. Губы сжаты, взгляд – предельно серьезный. – Чует мое сердце, что не в свои сани лезешь, Катенька.

– Мам...

Вот зачем она снова? Мне и так тяжело! Мы столько раз обговаривали эту тему. Искали другие выходы – но их просто не существует! А теперь, когда я уже беременная и получила аванс – назад пути нет.

Лучше вообще не задумываться о будущем, оно слишком пугает. Проще жить одним днем.

– Что «мам»?

– Не волнуйся. Не я первая, не я последняя. Все будет хорошо. К тому же, поздно уже что-то менять.

Не знаю, кого сейчас успокаиваю больше: себя или ее.

С самого начала я ничего не скрывала от мамы. Да, она не сразу приняла мое решение. Наверное, до сих пор с ним не согласна. Я вижу это в ее глазах.

– К тому же клиент разрешил вас навещать, – добавляю. – Не нужно смотреть на меня так, будто я навсегда уезжаю.

– Нет, – мама качает головой. – С животом не приезжай. Не надо, чтобы тебя здесь видели.

Догадываюсь, о чем она говорит. Сухо киваю:

– Ты права. Еще сплетни пойдут.

– Я знакомым скажу, что ты в Италию уехала на заработки, а дочку со мной оставила.

– А почему именно в Италию? – удивленно смотрю на нее.

– Ой, да ляпнула что пришло первым в голову! – она машет рукой. – Лишь бы меньше задавали вопросов. Гавриловна обещала с садиком помочь, но я думаю, Настеньке будет лучше со мной.

– Мама, ты из-за меня уезжаешь? – в дверях появляется Настя. – Сначала братик, теперь ты...

Она прижимает к груди плюшевого зайца. В глазах стоят слезы.

У меня внутри все ноет от боли. Хочется броситься к ней, обнять и прижать к себе. Никуда не ехать, отказаться от контракта. Вот только это невозможно.

Я должна пройти этот путь до конца.

– Нет, солнышко, – опускаюсь на колени. – что ты. Я еду, чтобы заработать денег для тебя и Ильи. А когда вернусь, то привезу много игрушек и сладостей. И Ильюша со мной приедет!

– Не хочу игрушки, хочу братика! Привези его скорее! – дочь супит бровки. – Без братика скучно. Кто мне сказки будет читать?

– Бабушка почитает, – целую ее в недовольно сморщенный нос. – У бабушки много сказок.

– Мама, а ты будешь мне звонить?

– Конечно, каждый день, моя хорошая, – голос срывается.

Я прижимаю дочь к себе, зарываюсь лицом ей в макушку, лишь бы она не видела моих слез.

* * *

Как же тяжело будет без Насти. Я привыкла, что она всегда рядом. Но договор был однозначен: мне придется жить в чужом доме, куда я не могу взять ребенка. Пришлось смириться с этим.

Но это все ради Ильи. Я не могу его бросить.

– Ох, Настенька, – вмешивается мама заговорщицким тоном. – А что я тебе покажу! Совсем забыла! У нас же крольчата есть! Такие маленькие, пушистенькие. Идем, посмотрим.

Маленькие ручки обнимают меня за шею.

– Хорошо. Мам, привези мне игрушек и куклу, и сладостей и... сама приедь побыстрее, – говорит моя отходчивая девочка.

Целую ее напоследок. Хочется бросить все и остаться в этом доме, наполненном воспоминаниями детства и запахом выпечки.

– Да, милая. А ты води себя хорошо, чтоб бабушка не нервничала.

– Хорошо, мам. Возвращайся поскорее.

– Конечно, – едва сдерживаю слезы.

Она убегает в комнату, а мы с мамой выходим на крыльцо.

Пора прощаться.

– Все, мам, – говорю через силу.

– Позвони, как доедешь, – она косится на Стаса, который стоит, прислонившись спиной к машине. – Не нравится мне этот тип, вон как зыркает в нашу сторону!

Ничего от нее не скроешь.

– Мам...

– Позвони! – повторяет она с нажимом. – Я Анне доверяю, она не стала бы предлагать сомнительные сделки. Но у богатых свои причуды. Если человек может купить себе ребенка, то запросто может играть судьбой его матери!

Ох, если бы мама только знала, насколько близка к истине! Барковский уже мной играет. Я пешка в его руке...

– Хорошо мам. Обещаю что позвоню сразу, как до дома доеду.

– Не нравится мне все это, Катька, – она качает головой. – Не хотела тебе говорить, но... сон мне плохой приснился.

– Мам!

– Не мамкай! Сама знаешь, что мне иногда сняться вещи сны. Помнишь, как перед Сережиной смертью отец твой приснился? А теперь приснилась река с двумя мостами: один деревянный, другой – железный, а ты мечешься между ними и не знаешь куда идти.

– И что же в этом сне плохого? – ворчу.

Мама в своем репертуаре. Вроде умная женщина, а суеверная как бабка.

– А то, что нужно было тебе на тот берег, там тебя кто-то ждал! А ты не могла решиться, на какой мост ступить. Под конец все же выбрала железный, но только дошла до середины – и он провалился!

– А дальше? – смотрю на нее.

– А дальше я проснулась! Гуси разбудили. Глянула на часы – три часа ночи. Так до утра и не спала больше.

– А с чего ты решила что сон вещий? Может, просто кошмар приснился.

– Сердцем чувствую! Будь внимательна, Катя, любое железо крошится! Твоя жизнь теперь зависит от других, и меня это пугает. Пусть тебе кажется, что ты все контролируешь, но это не так!

И снова мама будто в воду глядит. Ничего от нее не скроешь.

– Хорошо, – обещаю, – буду внимательна.

Обнимаю ее. Краем глаза замечаю, что Стас открывает пассажирскую дверь. Это тонкий намек, что прощание затянулось. Отпущенные мне полчаса давно истекли...

Вещий сон приснился маме или не вещий, но в одном она точно права. Я больше не хозяйка своей жизни.

На ближайшие девять месяцев...

Глава 5

Обратно в город едем молча. Я бездумно смотрю в окно, а в голове роем носятся мысли.

Пытаюсь составить план на ближайшее время: перед сном позвонить Насте и маме, с утра сходить в больницу к Илье, узнать, на какую дату назначили операцию. В прошлый раз врач сказал, что понадобится время на подготовку, но мы и так слишком долго тянули.

Больше ничего не могу придумать, чтобы отвлечься. Мысли, как заколдованные, снова и снова возвращаются к Барковскому. Скоро я увижу его. Его лицо...

Не будет ведь он и в доме маску носить или прятаться от меня? Это глупо!

Помню, как забила его фамилию в «поиск». Сама не знаю, что хотела узнать. Нашла много разных Барковских, но ни один не подходил под описание. И главное, ни один из них не был связан с нашим городом!

Это заставило меня призадуматься. Что если мой наниматель нарочно приехал сюда, чтобы найти суррогатную мать? Или он настолько опасный человек, что не оставляет следов в интернете? Ни аккаунтов в соцсетях, ни случайных фото в онлайн-журналах...

Почему бы не поинтересоваться у Стаса? Не убьет ведь он меня за вопрос!

– Стас...

От волнения мой голос хрипит.

Водитель переводит взгляд на зеркало заднего вида, показывая, что слушает меня.

– Скажите, а чем занимается господин Барковский?

– Это как-то связано с вашими обязанностями? – хмурится он.

– Эм... нет... просто любопытно.

– В доме господина Барковского любопытство не приветствуется. Вас же не спрашивали, на что вы потратили деньги.

Холодный тон водителя отбивает все желание говорить.

Все ясно, мне сказали заткнуться.

Остаток дороги молча смотрю в окно. Вскоре подъезжаем к городу и, к моему удивлению, сворачиваем на объездное шоссе. Еще полчаса пути – и перед нами вырастают огромные ворота, от которых в обе стороны тянется каменный забор высотой в три метра.

Стас сбрасывает скорость до минимума. Показывает пропуск невидимой для меня камере, и ворота медленно открываются.

Мы заезжаем внутрь. Здесь тоже дорога. Идеальная, гладкая как стекло. По обе стороны от нее растут высокие туи.

Открыв рот, верчу головой по сторонам. За туями прячутся роскошные особняки. Я такие только в глянцевах журналах видела! Достаяю телефон, чтобы сделать снимок.

– Здесь нельзя фотографировать, – звучит голос Стаса.

– Что?

– На территории поселка нельзя снимать. Это запрещено!

– И как об этом узнают? – фыркаю, но телефон опускаю.

– Камеры, – лаконично отмечает водитель. – Они тут везде. Поселок под постоянным наблюдением. Вам не стоит с этим шутить.

– А поселок как называется?

– Шкутово.

Нельзя снимать, так в интернете поищу!

Быстренько вбиваю название в поиск и...

Не сети! Да что же такое?

Стас понимающе ухмыляется:

– Здесь везде глушилки стоят. Интернет только в доме, но доступ к нему еще нужно заслужить.

– Ощущение, что меня завезли в какое-то гетто, – ежусь от плохого предчувствия. – Выпускать меня отсюда хоть будут? Ваш хозяин обещал!

– Вот с ним на эту тему и говорите. Я всего лишь водитель.

Мы подъезжаем к огромному особняком. Мой рот сам открывается от изумления.

Я буду здесь жить?!

Дом трехэтажный, с массивным фасадом, украшенным колоннами и балконами. Такие особняки любят показывать в турецких сериалах про красивую жизнь. Но я не думала, что они существуют где-то, кроме съемочных площадок!

На крыльце стоит мужчина в черном костюме. Лет пяти-

десяти, с проседью в волосах. Вытянутый по струнке. Даже голова слегка задрана так, что кажется, будто он смотрит на всех сверху вниз.

Машина останавливается рядом с крыльцом. Незнакомец спускается по ступенькам и открывает мне дверь.

– Добро пожаловать в особняк семьи Барковских, – надменно говорит он. – Я дворецкий. Можете обращаться ко мне по имени – Демьян.

Ого... тут даже дворецкий имеется... Куда я попала?

– Приятно познакомиться. Катя, – киваю, сглатывая комок.

Хотя по его взгляду, я тут реверанс должна отвесить.

Они со Стасом обмениваются взглядами.

– Идемте, – Демьян указывает на резные двустворчатые двери, которые уже кто-то открыл. – Стас сам занесет ваши вещи.

Мы входим в дом, точнее в огромный светлый холл. Я словно попадаю в сказку. Мраморный пол, бархатные портьеры, картины в тяжелых рамах. Напротив входа вижу широкую лестницу с темными перилами... Прямо как в фильме «Унесенные ветром». Почти с такой же свалилась Скарлет О'Хара!

Я так взволнована, что не сразу замечаю возле лестницы новое действующее лицо. Пока оно, точнее она, не делает шаг в мою сторону.

Только тогда понимаю, что ко мне, улыбаясь, идет свет-

ловолосая женщина в узкой бордовой юбке и белой блузке. Незнакомка такая хрупкая, что, кажется, ее талию можно обхватить двумя пальцами!

– Добрый день, – она улыбается, ее взгляд с интересом скользит по мне и задерживается, уперевшись в живот.

Я дергаюсь за мужчинами, которые несут куда-то в сторону мои чемоданы.

– Добрый, – одергиваю себя и смотрю на блондинку.

Она выглядит не старше меня, очень ухоженная, даже холеная. Но что-то в ее глазах подсказывает, что ей давно за сорок. Может холодный цинизм, с которым она смотрит на мой живот?

– Я – Элеонора Барковская, жена Виктора, – говорит она, поднимая взгляд выше. – Хозяйка этого дома.

– Я – Екатерина, рада с вами встретиться, – нервно усмехаюсь.

Так вот, как зовут Барковского! Виктор!

Так странно общаться с его женой. Неловко даже. Вроде она улыбается, но взгляд такой стальной, что хочется спрятаться. Того и гляди – порежет глазами.

* * *

– Я так рада вас встретить, наконец-то.

Она пристально смотрит на меня. В голосе, вопреки словам, ни капли радости. Только холодная вежливость.

– Ладно, не будем задерживаться. Идем, я покажу тебе комнату. Я же могу перейти на «ты»?

– Да, конечно, – киваю.

– Отлично. Можешь звать меня Элей. У вас же все получилось?

Я поначалу не понимаю, о чем она, а затем доходит.

– Все в порядке. УЗИ подтвердило и есть результат анализов на ХГЧ.

– Прекрасно. Просто чудесно.

Она улыбается, но улыбка кажется искусственной. Может, потому что глаза остаются холодными?

Я иду вслед за ней в ту сторону, куда ушел Стас и дворецкий с моими чемоданами.

Какая же тут красота...

Весь дом похож на дворец. Все такое помпезное, местами золото. Много красивых дорогих вещей – и это меня нервирует. Только бы не разбить что-то случайно! Не удивлюсь, если вон та вазочка в цветочках стоит пару тысяч евро!

Ох, надеюсь, мне не придется ходить в бальных платьях. Хотя обстановка располагает, да, я будто попала в музей барокко.

– Я слышала, тебе потребовалась всего одна процедура ЭКО, – внезапно говорит Эля, когда мы проходим мимо огромного зала.

Я слегка вздрагиваю и краснею. Так неловко общаться с ней. Все же чужая жена. А я мать ее ребенка...

– Да, – отвожу взгляд.

– Значит, мой муж правильно выбрал нам мамочку.

Надеюсь, она никогда не узнает, как ее муж эту «мамочку» выбирал. Ни про его предложение, но про то тот позорный стриптиз в отеле.

Я ведь так и не поняла, что тогда было. Почему он пришел пьяный, если собрался делать ребенка? Почему отпустил меня и больше не назначал встречи?

Может... по пьяни решил, что у нас все было?

С тех пор только об этом и думаю. Ничего не могу с собой сделать!

– Катя, твоя комната, – Эля указывает на раскрытые двери, из которых выходят Стас и Демьян. – Это гостевое крыло, здесь тебе никто не будет мешать.

Переступаю порог и застываю с открытым ртом.

– Слуги будут сопровождать тебя по дому. Ты можешь свободно ходить по гостевому крылу. О, а еще с твоей стороны есть парк и озеро. Можешь там гулять, беременным ведь нужен свежий воздух. Но только со слугами. Мы тебе выделим помощницу.

– Спасибо, – бормочу, оглядывая хоромы.

– Расписание лежит на комоде. Придерживайся его, – продолжает хозяйка. – По всем вопросам обращайся к горничной или к дворецкому.

– Хорошо, – соглашаюсь, не в силах отвести взгляд от кровати под балдахином.

Я о таких разве что в исторических романах читала.

– Ну что ж, добро пожаловать, – говорит Эля. – Нужно отпраздновать такое событие. Надеюсь, у тебя есть пристойное платье?

Я удивленно смотрю на нее.

– Платье?

Она слегка морщит нос:

– Желательно не слишком открытое. Сегодня у нас семейный ужин.

* * *

Меня оставляют одну. Немного нервничая, начинаю разбирать чемоданы. Комната у меня большая и светлая, с окнами в пол. Мебель молочно-белая, с филигранными ручками. По ней видно, что сделана из натурального дерева.

За окном виднеется парк, о котором упомянула Эля. Надо будет как-нибудь прогуляться.

Занятая мыслями, развешиваю одежду на плечиках. Замираю с очередной вещью в руках. Интересно, это подойдет?

Собираясь сюда, я не планировала ходить на семейные торжества. Да и вообще предпочитаю джинсы. Но на всякий случай взяла с собой одно платье. Приталенное, с летящей юбкой чуть ниже колен, длинными рукавами и вставками из гипюра.

Это почти единственное платье в моем гардеробе. Купила

когда-то на новый год, да так один раз и надела. Надеюсь, оно достаточно «пристойное», если я правильно поняла Эльвиру.

Пока ищу, куда бы его пристроить, взгляд натывается на комод. Вспоминаю про расписание.

Так, что тут у нас... гимнастика для беременных, занятия спортом, прогулки на свежем воздухе, правильное питание. И все расписано по часам.

Еще встреча с врачом раз в неделю. Похоже, туда меня будут возить. Но раз в неделю это очень мало, мне же еще нужно к Илье в больницу! Придется отдельно об этом поговорить...

В дверь стучат.

– Заходите, – отзываюсь, роняя бумагу.

На пороге появляется женщина лет пятидесяти в черном закрытом платье.

– Здравствуйте. Меня зовут Надежда, и я буду вашей горничной, – представляется она.

Ну и строгий у нее взгляд. Серьезная такая. И как у дворецкого – прямая осанка, руки сложены в замок спереди.

– Катерина, приятно познакомиться, – киваю я.

– Взаимно, – мягко улыбается она.

Фух, обманчивое впечатление. Вроде нормальная женщина.

– Я здесь, чтобы помогать к вам. По любым вопросам вы можете обращаться ко мне. Моя комната по соседству, – про-

должает она.

— А я тут вещи разбираю, — словно оправдываясь, показываю на раскрытые чемоданы.

— Я вам помогу, — она подходит ближе. — В вашем положении не стоит лишний раз наклоняться.

Пытаюсь ее остановить:

— Спасибо, но я сама справлюсь.

— Это моя работа.

Я сижу на краю кровати отступаю, пока остатки моих вещей вынимают из чемодана.

— Сегодня вечером ужин будет, — говорю, лишь бы нарушить неловкую тишину. — Семейный.

— Да, Элеонора Ринатовна предупредила, что вы тоже должны быть, — Надежда рассматривает мои вещи.

— Как думаете, это подойдет? — показываю ей платье.

— Как вариант, — она сдержанно улыбается. Потом добавляет: — Для грязного белья у вас в ванной короб стоит. Каждый вечер я отношу его в стирку. Не беспокойтесь, все вам вернем.

Неужели у меня такой вид, будто я беспокоюсь за сохранность своих грязных трусов? Уж как-нибудь сама их постираю. Но вслух соглашаюсь:

— Хорошо.

Спорить особо не хочется ни о чем. Не то настроение.

— Если вам понадобится новая одежда, тоже сообщайте. Причем заранее. Все же вы беременны, а потому придется

обновить гардероб.

Надежда уходит, а я наконец-то могу расслабиться. Первым делом беру телефон и набираю маму. Жду гудков, их все нет и нет...

Чертыхнувшись, смотрю на экран. Ну да, откуда же возьмутся гудки, если я звоню через мессенджер, а у меня мобильный интернет не работает?

Ладно, попробуем через обычную связь.

В трубке долго стоит тишина. Потом голос автоответчика сообщает «Абонент не зарегистрирован в сети».

Это как?!

Что со связью? Куда я попала?

Глава 6

Нет, так дело не пойдет. Это же я тут вообще от всего мира отрезана! В договоре ни о чем такой речи не шло, это я точно знаю, потому что перечитала его несколько раз. Особенно то, что было написано мелким шрифтом! Теперь меня хоть среди ночи разбуди – оттарабаню его на память!

Сдерживая злость, выхожу из комнаты. Бесполезный телефон так и сжимаю в руке. Оглядываю коридор, уходящий от меня в обе стороны. Он широкий, светлый, со сводчатым потолком и пилястрами, между которых то висят полотна с пейзажами, то стоят напольные вазы с павлиньими перьями.

Никого нет.

Помнится, Эльвира сказала, что я могу обращаться за помощью к слугам. Надо найти Демьяна или Надежду. И, если я правильно поняла, комната Надежды где-то рядом с моей...

Но с какой стороны?

Если идти влево, то я должна выйти в холл. Там дальше по коридору есть зал и еще несколько резных дверей, которые были плотно закрыты, когда мы шли сюда.

Ладно, попробую пойти вправо. Тем более, я там еще не была и мне разрешили гулять по гостевому крылу.

Коридор выстелен мягким ковролином графитового цвета. В нем тонут звуки моих шагов, так что двигаюсь я прак-

тически бесшумно.

Прохожу несколько закрытых дверей. Наконец, коридор переходит в высокую арку. Оттуда доносятся чьи-то голоса. Кто-то называет мое имя: Катерина...

Я замираю, моментально наострив уши.

– И как она тебе? – спрашивает незнакомый женский голос.

– А что мне? Главное, чтобы хозяйке понравилась. Иначе Эльвира житья ей не даст.

А это точно Надежда! Интересно, с кем это она меня обсуждает?

На цыпочках приближаюсь к арке и аккуратно выглядываю из-за угла.

Это столовая. Огромное помещение, центр которого занимает длинный черный, отполированный до блеска стол. Вдоль стола стоят стулья с высокими спинками, тоже черные. Но у каждого темно-красное, как кровь, бархатное сиденье.

Надежда и еще одна женщина, в таком же форменном платье, раскладывают на столе белоснежные льняные салфетки и сверкающие приборы. Не удивлюсь, если эти вилки и ножи сделаны из серебра.

– Ты преувеличиваешь, – говорит незнакомка, – она же носит ее ребенка.

– А еще ребенка ее мужа! Вот как можно жить под одной крышей стой, кто беременна от твоего мужа?

– Ох, нам причуды хозяев не понять. К тому же ей ведь

делали ЭКО.

– Мало ли что ей там делали...

Ее прерывает шорох двери, которую я не заметила. В столовой появляется сама Эльвира: строгая, холодная и элегантная до зубовного скрежета.

– Поставьте еще один прибор, – говорит она ровным тоном. – Владимир Данилович вернулся.

Пока прислуга радуется, Эля уходит, а я недоумеваю: что еще за Владимир Данилович? Гость? Тогда почему «вернулся», а не «приехал»? Так обычно говорят о членах семьи, живущих с тобой в одном доме.

Но какая мне разница, что это за Данилович? Мне надо с телефоном проблему решить!

Выхожу из своего укрытия и уверенным шагом направляюсь к Надежде.

Та стоит ко мне спиной, а вот ее товарка сразу замечает меня:

– Простите...

– Добрый день, – чуть натянуто улыбаюсь и показываю телефон, – у меня возникла проблема. Эльвира сказала, я могу обращаться за помощью к слугам.

Женщины переглядываются.

– А что случилось? – спрашивает Надежда.

– Мне нужно позвонить, а сеть не ловит.

– А... так в гостиной есть стационарный телефон. Вы можете звонить с него, только... – она мнется.

– Что «только»?

– Он прослушивается службой безопасности, и все разговоры записываются.

– Ничего себе... – потрясенно хлопаю ресницами.

Это я что, в гнездо каких-то крутых мафиози попала? Что-то мне здесь уже неуютно...

– Идемте, я вас провожу, – Надежда указывает на двери, в которые вышла Эльвира.

Я, все еще пребывая в шоке, киваю.

Мы выходим в помещение поменьше. Здесь стоят диваны с высокими спинками и кресла с гнутыми ножками. Вся оббивка на них и гардины на окнах – изумрудного цвета. Окна плотно зашторены, из-за чего в комнате царит полумрак.

– Вот телефон, – Надежда указывает на кофейный столик из цельного куска малахита. – Будьте с ним аккуратны, это эксклюзивная вещь.

Я хлопаю ресницами, разглядывая чудо-прибор. Это радиотелефон с базой, но, судя по внешнему виду, он сделан из золота. Даже в руки брать страшно!

Снимаю трубку. Слышу гудок. Значит, работает.

– Спасибо, – немного расслабляюсь.

Надежда кивает и уходит. Я набираю номер, подглядывая к себе в телефон.

– Мама! – зову, едва услышав ее голос на том конце связи. – Mamochka!

– Катя? – удивленно спрашивает она. – Откуда ты это зво-

нишь?

Ну да, она же видит незнакомый номер. Спешу успокоить ее:

– Мама, со мной все в порядке. Просто мой телефон здесь не работает, я тебе звоню с домашнего.

– А... А я-то думаю, почему номер не определен... Как ты там? Как устроилась? Хозяева – хорошие люди?

– Все хорошо, мам, – да-да, я помню, что все разговоры прослушиваются, поэтому не буду слишком откровенничать. – У меня отличная комната. Кровать так вообще, как из сказки. Ты бы видела! Ну а вы там как? Как Настена?

Мама начинает обстоятельно рассказывать, как они провели день. Слышу голос Настенки. Та, похоже, прыгает вокруг бабушки, требуя телефон.

– На, держи, непоседа. Всю душу из бабки вытрясла, – мама беззлобно ворчит, отдавая ей трубку.

– Мамочка! – моя малышка в полном восторге. – А я кроликов кормила! Таких малюсеньких! Бабушка даже потрогать их разрешила!

Чувствую, как мои губы расплываются в улыбке, а внутри начинает что-то щемить и перед глазами – туман... Нет, не туман. Это собираются слезы...

За моей спиной громко прочищают горло.

Оборачиваюсь, едва не роняя телефон из рук.

Из кресла в углу гостиной на меня кто-то смотрит. Там достаточно темно, так что я улавливаю лишь силуэт, который

сидит, положив пятку одной ноги на колено другой.

С минуту таращусь на него, не в силах сказать ни слова. Он тоже молчит, но при этом разглядывает меня. Чувствую его взгляд всем телом.

– Ой, простите! – наконец, выдыхаю. – Я вас не заметила.

– Я понял, – слышу тихий голос.

Судя по тону, со мной говорит мужчина. Но от хриплых, бархатистых ноток у меня по спине заскакали мурашки.

Кажется, я уже где-то слышала этот голос...

* * *

– Катерина Павловна! – меня отвлекает Надежда. – До ужина час остался, вам следует подготовиться. Эльвира Ринатовна не любит, когда опаздывают за стол.

Я облегченно выдыхаю, извиняюсь еще раз перед незнакомцем и поспешно заканчиваю разговор.

– Ой, Владимир Данилович, – горничная расплывается в улыбке, глядя на скрытого тенью мужчину, – здравствуйте! Нас уже предупредили о вашем приезде.

А, так значит это тот гость, о котором упоминала Эльвира. И чего я так его испугалась?

Мы с Надеждой уходим. Она провожает меня до дверей моей комнаты. Там я еще раз благодарю ее и, когда она уже собирается покинуть меня, неожиданно для себя самой, интересуюсь:

– А кто этот Владимир Данилович? Друг семьи?

– Ой, что вы! – отмахивается она. – Это брат хозяина.

– Брат хозяина? – хмурюсь.

– Да, старший, но вообще-то они близнецы. Очень похожи.

Мое сердце сжимается в нехорошем предчувствии.

– И как же вы их различаете?

– Так Виктор Данилович носит бородку, а Владимир Данилович всегда гладко выбрит.

У меня на секунду темнеет в глазах. Прислоняюсь к стене. Не хочу думать об этом, но мысли сами собой возвращаются в тот день, когда я подписала договор с Барковским В. Д. А затем перепрыгивают на ту ночь в отеле...

Я не видела его лица. Сначала он был в маске по губы, потом скрывал лицо в темноте. Но одно могу сказать в полной уверенности: никакой бородки не было!

Горничная уходит, а я потрясенно опускаюсь на край кровати.

Что же это получается?

С кем я подписала договор? С кем была в отеле? И, самое главное, чьего ребенка ношу?

От этих бразильских страстей мне становится плохо. К горлу подкатывает тошнота, а голову лезут нехорошие мысли: закрытый особняк черт знает где, глушилки, прослушка телефона...

У этих людей достаточно денег, чтобы не только купить

себе матку, как сказала Анна, но и стереть с лица земли любого, кто посмеет им угрожать.

Если этот Владимир прятал свое лицо, то лучше мне молчать и делать вид, что я ничего не знаю. Буду сидеть на ужине, улыбаться и кивать. И не стану смотреть в его сторону! А то еще сознание потеряю от страха.

Вскоре сигнал телефона напоминает, что пора собираться.

Мне не хочется идти на этот ужин. Хочется забиться в норку, забаррикадироваться в этой комнате и никого не впускать. Но я заставляю себя подняться.

Почему я вообще испугалась? Это какой-то иррациональный страх, не поддающийся логике. Мне же еще никто ничего плохого не сделал! Наоборот, Стас обращался предельно вежливо, Эльвира приняла радушно, слуги не хамят.

И все равно, все внутри сжимается в морозный комок. Ничего не могу с этим поделать.

Да еще в голову лезут слова Анны: он сотрет тебя в порошок. Почему она так сказала? Что она знает об этих людях?

Смотрю в расписание. Встреча с врачом в понедельник. Вот тогда и расспрошу ее хорошенько, а пока буду держать эмоции в узде. Чтобы никто не задавал лишних вопросов.

Приняв душ, надеваю отложенное платье. Расправляю складки. Смотрю на свое бледное лицо в зеркало и думаю, краситься или нет. Но все же наношу легкий макияж.

Я уже готова, когда за мной приходит Надежда. От волне-

ния у меня ладони потеют. Горничная замечает, что я нервно сжимаю юбку.

– Расслабьтесь, – улыбается она, – не надо нервничать. Если вас пригласили на ужин, значит доверяют.

Ага, знала бы она, почему я нервничаю!

Почти не дыша, переступаю порог столовой.

За огромным столом сидят Эля и Виктор. Я понимаю, что это он, по короткой темной щетине на подбородке.

Мужчина с любопытством разглядывает меня. Так не смотрят на того, кого видят не в первый раз.

Значит, со мной был не он!

От этой мысли я густо краснею и отвожу глаза. Так неловко. Неужели и ребенок не от него? Какая мне разница! Плечи шире – и вперед. Меня не должны волновать чужие семейные тайны!

– Добрый вечер, – приближаюсь к столу.

Виктор сидит в торце, Эльвира по правую руку от него. Второй прибор стоит на другом конце стола, напротив Виктора, а третий – напротив Эли. Она кивает, чтобы я села именно там.

Мне приходится обойти стол. Темный взгляд Виктора скользит по мне, вызывая мурашки. Мужской, заинтересованный взгляд.

– Ох, Катерина. Хорошо, что ты к нам присоединилась, – улыбается Эля, когда я сажусь и кладу телефон рядом с собой. – Мы как раз обсуждаем детскую комнату. Да, дорогой?

– Милая, у тебя хороший вкус, обустройвай, как хочешь, – говорит Виктор, продолжая разглядывать меня.

– Ну как я могу без тебя? – она строит ему глазки и хлопает ресничками.

– Хорошо, Эля, съездим на выходных, – хмуро говорит он.

– Здорово, – она довольно откидывается на стуле и переводит взгляд на меня.

Вот не знаю почему, но мне не по себе. Вроде ж милая женщина, но когда смотрит, аж дрожь берет.

Телефон Виктора вибрирует, и он отвлекается на него.

Слуги приносят еду. В основном салаты и мясо. Виктор первый набирает себе, а затем и мы с Элей.

За ужином хозяева расспрашивают о моем состоянии. Я стараюсь не вдаваться в подробности, чтобы лишнего не болтнуть. Но мне очень любопытно, знает ли Эля, что не Виктор со мной заключал договор?

– Кстати, ты можешь с Катей посмотреть мебель для детской, – внезапно говорит Виктор.

– Почему это? Я хочу с тобой.

– Она женщина, вдвоем вы лучше поймете, что нужно ребенку, – поясняет он и переводит взгляд на меня. – Ведь у нее уже есть дочь.

– Ах, да, – Эля тоже смотрит в мою сторону. – Расскажите про вашу дочь.

– Ее дочь здорова, – морщится Виктор. – Никаких болезней.

– Я не об этом спрашиваю. У вас есть фото? Покажите ее.
– Хорошо, – беру телефон.

Модель старенькая, не чета айфону в руках Виктора. Ли-
стаю фотографии и показываю Настю Эльвире. Та рассмат-
ривает мою дочь на экране.

– Миленькая, – кивает. – Надеюсь, у нас такая же будет.
Хотя Виктор хочет мальчика.

Он хмуро смотрит на нее, а мне становится не по себе.
Эля что-то воркует про то, как она будет рада ребенку.

Я же не могу отвести взгляд от четвертого прибора. Где
же Владимир? Что он скажет, когда увидит меня? Сделает
вид, что мы не знакомы?

Глава 7

Ужин продолжается. Неловкость, повисшая в воздухе остается, но, похоже, испытываю ее только я. Виктор и Эля спокойно едят, моя компания их не смущает.

Я же ничего не могу с собой сделать. Кусок в горло не лезет, а взгляд раз за разом возвращается к противоположному концу стола.

У Виктора снова вибрирует телефон.

– Отключи уже! – недовольно морщится Эля. – Поесть спокойно не дадут!

Меня нагоняет запоздалая мысль: тут же мобильная связь не работает! Как ему звонят? Может, через домашний вай-фай или у хозяев есть своя защищенная линия?

Надо будет спросить после ужина...

– Это важный звонок, – оправдывается Виктор.

– У вас братом все звонки важные, – фыркает его жена. – Вон, Вова даже не соизволил спуститься к ужину! Тоже занят чем-то важным?

Она тормозит одну из горничных:

– Ирина, напомните Владимиру Даниловичу, что у нас семейная встреча.

При упоминании этого имени у меня по телу бегут мурашки. Думала, что смогу спокойно поесть и улизнуть из-за стола, пока этот таинственный Владимир придет. Но, похо-

же, вряд ли это удастся.

Прислушиваюсь к голосу Виктора, который говорит по телефону о каких-то поставках. Нет, это точно не он был в маске. Тембр другой. Даже думать не хочется о том, во что я ввязалась.

Постепенно за столом воцаряется спокойствие атмосфера. Пара общается на свои семейные темы. Обсуждают какой-то благотворительный вечер, родителей, которые должны вернуться из-за границы. Эля опять поднимает разговор о вещах для ребенка, но Виктор умело переводит тему. Я же сижу молча. Все же незнакомые люди. Общаться не о чем.

На середине ужина, когда подают десерт, из гостиной в столовую кто-то входит. Я сижу спиной к этим дверям, но всей кожей чувствую появление нового человека. Это не прислуга: горничные носят блюда через арку.

Виктор поворачивает голову в сторону вошедшего и хмурит брови. Эля опускает вилку и поднимает глаза. Смотрит мне через плечо. На ее лице всего на миг появляется странное выражение, но она тут же умело берет эмоции под контроль.

А у меня почему-то цепенеет все тело. Не могу заставить себя оглянуться. Так и сижу, уставившись в свою тарелку и вслушиваясь в тихие шаги за спиной.

Наконец, искоса замечаю мужчину. Он высокий, в свободных штанах, небрежно повисших на бедрах, и темно-коричневом свитере.

Мой взгляд прикипает к его лицу.

Владимир. Ошибиться невозможно. Он копия брата, только, как и сказала Надежда, гладко выбрит. А еще волосы: у Виктора они чуть светлее и длинная челка тщательно зачесана назад, а у Владимира дерзко падают на глаза.

Пока я таращусь на него, не в силах отвести взгляд, он неторопливо подходит к свободному концу стола и кладет руку на спинку стула, но садиться не торопится.

Он обводит нас полным скуки взглядом, пока не останавливается на мне. Равнодушие на лице сменяется удивлением, потом раздражением. А я жадно изучаю его лицо.

Да, он копия брата. Только улучшенная! Более твердая линия подбородка, более ровный нос, даже глаза более синие, чем у брата. У Виктора синева будто выцвела, а у этого – яркая, насыщенная, настоящий ультрамарин. Именно эти глаза изучали меня в прорези маски! Этот холодный, пронизывающий взгляд нельзя спутать ни с чем!

А еще Владимир более подтянутый, чем его брат. Даже за столом видно, что у Виктора уже образовалось брюшко. А этот как хищник – мускулистый и гибкий. И двигается по-особому. словно тигр, вышедший на охоту.

Даже не верится что такой мужчина мог приползти в отель пьяный до безобразия!

– Эля, ты опять своих подруг привела? – спрашивает низким бархатным голосом и в упор смотрит на меня.

– Вова, что ты. Это Катя – наша мамочка, – излишне писк-

ляво отвечает Эльвира.

Ага, намек понят. Эля не в курсе, что мы с Вовой уже встречались и что это именно он заключал договор. И знать ей об этом не нужно.

– Приятно познакомиться, – говорю нейтральным тоном и вежливо улыбаюсь.

Владимир смотрит жестко, неприязненно. Будто с челядью за стол садится.

– Я думал, это семейный ужин, – продолжает сверлить меня взглядом.

– Ну, Катя тоже теперь член семьи, – тушует Эля. Смотрит на Виктора, ожидая поддержку: – Правда же, дорогой?

Тот разводит руками. У меня создается впечатление, что не Виктор, а Владимир тут главный. А еще мне становится очень неуютно под его взглядом.

– Я уже наелась, – откладываю салфетку. – Думаю, мне лучше уйти.

Хочу подняться, но меня останавливает голос Владимира:

– Сидите. Я собирался поужинать у себя, но раз мы все здесь, то давайте изобразим, что мы одна дружная семья.

С этими словами он отодвигает свой стул и садится. К нему тут же подлетает горничная Ирина с горячими блюдами.

– Ой, Вова, ну что ты, – заливается Эля. – Мы всегда рады, когда ты к нам присоединяешься.

Владимир кидает на нее хмурый взгляд. Что-то он явно

не в настроении.

– На следующей неделе родители приезжают, – в разговор вступает Виктор.

– Я знаю, – кивает его брат. – Поэтому и вернулся пораньше.

– Чудесно. Как раз сообщим им приятную новость, – улыбается Эля.

– Они еще не знают? – взгляд Владимира переходит ко мне.

Безразлично скользит по лицу и упирается в живот. Точнее, в ту часть под грудью, которая видна над столом.

– Ой, ну когда бы мы им сказали? Катя только сегодня к нам переехала. К тому же мы с Витей решили сделать сюрприз. Соберем здесь всех, устроим семейное торжество... Ой, надо каких-нибудь звезд позвать! Кто там у нас сейчас самый модный?

Я со страхом смотрю на нее. Ничего себе она тут устроить хочет!

Эльвира переводит на меня взгляд. На ее довольном лице мелькает непонятная эмоция, но тут же проходит.

Владимир морщится, будто укуса хлебнул.

– Никаких торжеств. Если хочешь – отметь с родителями по-тихому, и хватит, – говорит он.

– Ну почему? – Эля надувает губки.

– Потому что я так сказал. Будешь спорить?

Голос Владимира тихий, спокойный, почти безразличный. Но в нем столько власти, что невозможно не согласиться.

– Вовочка, – в тоне Эльвиры появляются пищащие нотки, от которых режет слух.

«Вовочка» продолжает есть, будто ничего не происходит. Я заворуженно смотрю на вилку в его длинных пальцах. Вспоминаю, как он держал ручку, когда подписывал договор. Определенно, это те самые пальцы.

– Витя, – Эля переводит взгляд на мужа. – Ну скажи что-нибудь!

Тот пожимает плечами:

– Мы еще обдумаем, что да как, – говорит, ища компромисс.

– Ну хоть на благотворительном вечере! – не унимается Эля. – Давайте объявим! Это же такое событие для Барковских!

– Нет, – синхронно отвечают братья и смотрят друг на друга исподлобья.

Они очень похожи. Как оригинал и дешевая копия.

В столовой воцаряется тишина. Неприятная, напряженная. Мне неуютно рядом с этими людьми, но отступить уже поздно.

Слуги приносят чай. Расставляют чашки.

– Черный, зеленый, фруктовый? – перечисляет Ирина, обращаясь ко мне.

– Черный, пожалуйста...

Очень неловко, что мне прислуживает женщина, которая старше меня.

– Сахар? – уточняет она.

– Я сама, – улыбаюсь ей.

Ирина кивает и ставит рядом сахарницу. Набираю пару ложек и начинаю размешивать. Стук ложки о чашку кажется очень громким. Чувствую на себе ледяной взгляд.

Владимир выразительно смотрит то на меня, то на мою чашку. Мол, что так громко.

От этого взгляда мурашки по телу. Хочется спрятаться.

Беру чашку в руку и делаю глоток. Чай обжигает. Дергаюсь, и часть горячей жидкости выплескивается мне на грудь.

Я машинально подскакиваю. Фарфоровая чашка выскальзывает из пальцев, которые стали вдруг непослушными. И вдребезги бьется об пол...

По начищенному паркету растекается лужа.

Эля подскакивает за столом.

Миг – и рядом со мной оказывается Вова. Берет за руку. По телу мгновенно растекается жар, и даже ожог на губе чувствуется не так ярко, как его касание. И пусть до этого момента я видела на его лице раздражение и высокомерие, то сейчас он по-настоящему обеспокоен.

– Вы как? – Владимир осматривает меня.

– Боже, извините, – лепечу, глядя на осколки.

– Ты ошпарилась? – вмешивается Эля.

– Немного. Не ожидала, что она такая горячая, – оправдываюсь. – Чашку жалко, простите...

Один Виктор сидит молча на месте и прожигает меня странным взглядом.

Зато Эльвира грозно смотрит на побледневших служанок.

– Чтобы больше не приносили такое горячее. Или выгоню всех отсюда, – говорит она жестким тоном.

Даже не верится, что именно эта женщина минуту назад сюсюкала, как маленькая девочка, и строила глазки обоим мужчинам...

– Ничего страшного. Я просто не ожидала, – пытаюсь ее успокоить.

– Дело не в тебе! – она поджимает губы. – Эта чашка из сервиза, который родители подарили на свадьбу! Теперь он безнадежно испорчен!

От ее слов становится неприятно.

– Простите, – повторяю еще раз.

Хотя понимаю, что извинениями чашку не склеишь и время назад не вернешь.

Забираю руку из хватки Вовы. Синие глаза мужчины становятся холоднее, будто он прячет эмоции.

Перевожу внимание на Виктора. Тот подбирается, как волк перед прыжком. Смотрит на нас с Владимиром очень

странно. Взгляд темный. Пугающий.

– Все в порядке? – цедит сквозь зубы.

– Да, – киваю и нервно сглатываю комок.

– Катерина, вы хотели уйти. Отправляйтесь в свою комнату, – распоряжается он.

– Да что ты, – усмехается Владимир, глядя на брата. – Пусть остается, она же теперь член семьи.

– Нет, – отрезает Виктор. – Пусть отдохнет. Ей нельзя волноваться.

– Ладно, – Владимир все с той же усмешкой поднимает ладони, будто сдается. – Было приятно познакомиться. Хотя я не прочь узнать вашу мамочку получше.

– Ни к чему тебе ее узнавать.

– Так, мальчики, хватит, – Эльвира подходит к Владимиру и касается его руки. – Все, Катерина уходит.

Она кивает мне. Я все понимаю, извиняюсь еще раз и направляюсь к арке. Так быстрее попаду в свою комнату.

Слышу, как Эля говорит у меня за спиной:

– Давай я тебя познакомлю со своей подругой? Она как раз в твоём вкусе.

От ее томного голоса меня передергивает. Ощущение, что это они с Владимиром женатая пара, а Виктор – просто сосед.

Глупость какая!

Поспешно выбрасываю это из головы.

Закрываюсь в комнате, падаю на кровать и запоздало

вспоминаю, что так и не спросила о самом главном: как мне общаться с семьей? Как подключиться к вай-фаю?

А еще рука горит там, где ее коснулся Владимир. Чувствую тепло его пальцев – сильных и крепких.

Это же он впервые дотронулся до меня! Тогда, в отеле, он только смотрел...

Интересно, ему понравилось то, что он видел?

Глава 8

Утро начинается с зарядки. Горничная ведет меня, полусонную и зевающую, в тренажерный зал. Даже позавтракать не дала.

Зал расположен на втором этаже, там же и вход в бассейн. К моему удивлению, бассейн такой огромный, что занимает целое крыло.

– Доброе утро, – в зале уже ждет Эльвира.

На ней тренировочные лосины и цветная майка. А сама она светится от удовольствия.

Осматриваюсь. Тут полно тренажеров, причем половину я вижу впервые. Не представляю, как ими пользоваться. Это же настоящая тренажерка для бодибилдеров!

Замечаю еще одну девушку. Незнакомка стройная, подтянутая, в спортивном костюме.

– Доброе утро! – она походит ко мне. – Это вы беременная?

– Доброе утро... да... – хмуро смотрю на нее.

– Я – Наталья, ваш тренер, – сообщает она с улыбкой.

– Зачем мне тренер?

Ничего не могу понять. Мне же врач должна назначит физкультуру для беременных.

Оглядываюсь на Элю. Но та сосредоточена на беговой дорожке.

– Занятия необходимы, чтоб поддерживать вас в форме, – с той же улыбкой поясняет Наталья. – Это способствует благоприятным родам.

Пожимаю плечами: занятия, так занятия. Не спорить же с ней. Тем более, если это Эльвира ее пригласила.

Наталья подходит к скамейке, на которой я замечаю акустическую колонку. Нажимает пару кнопок, и на весь зал раздается ритмичная музыка.

– Начнем с легкой разминки! – воодушевленно заявляет Наталья.

Я сначала настороженно повторяю за ней. Но постепенно захожу во вкус. Ничего страшного. Только туда нагнись, сюда нагнись. Ух, зато как бодрит! Я повторяю за тренером, вскоре и Эля присоединяется к нам. Видимо, стало скучно одной.

– Молодец, Катя, – она подбадривает меня.

Я улыбаюсь ей, но уже минут через десять чувствую себя уставшей.

– Может, хватит? – начинаю просить.

– У вас очень слабая физическая форма! – Наталья с неодобрением оглядывает меня. – Так нельзя! Вы совсем себя запустили. Идите сюда.

Мы отходим в угол с весами и ростоммером. Но я и так знаю, что будет дальше. Она скажет, что для моего роста я очень худая. Да, так и есть. Но не потому что сижу на модных диетах и мечтаю стать фитоняшкой. Наоборот, я очень люблю поесть... Любила...

После смерти Сережи кусок в горло не лезет. Я долго не могла привыкнуть, что его нет. Наверное, до сих пор не привыкла, просто смирилась. Но вот аппетит не вернулся, ем я мало и пища вся кажется безвкусной, однообразной.

Наталья что-то говорит, возмущаясь моими показателями.

– Усиленное питания, однозначно! – доносится ее голос. – Комплекс витаминов. Вам что-то выписали? Какие препараты?

Я отстраненно перечисляю. Анна мне выдала целый список, хватит на три беременности.

– Обычно я этого не говорю, – хмурится тренер. – Но вам нужно набрать вес! Минимум пять килограмм, и это не считая самого ребенка. Вообще не понимаю, как вас допустили к ЭКО.

– Какие-то проблемы? – подходит Эльвира.

– Нет, – натянуто улыбаюсь, – все нормально.

Наталья поджимает губы.

– Вашей мамочке нужно хорошо питаться, чтобы выносить здорового ребенка. Я, конечно, не диетолог, но рекомендую пятиразовое питание!

– Хорошо, – кивает Эльвира.

Наталья отходит к своей колонке.

– Я думала, ты от природы такая худенькая, – Эля задумчиво оглядывает меня. – У тебя точно нет проблем со здоровьем? Врач хорошо смотрела?

Я понимаю, что она беспокоится не за меня.

– Со мной все в порядке. Просто... у меня муж умер недавно, вот и...

Она поднимает брови:

– Ой, прости, я не знала. Это Витя мамочку выбирал, я не вмешивалась. Хотя удивилась, что ты такая молоденькая: все-таки ожидала женщину постарше и... покрупнее.

– Вам было не интересно, кого он выбрал? – теперь уже я удивленно смотрю на нее.

– Да какая разница. Лишь бы крепкая и здоровая. Ребенок все равно будет похож на нас с мужем.

В ее голосе слышатся нотки пренебрежения.

После зала я иду к себе в комнату. Принимаю душ, переодеваюсь и топаю в столовую на завтрак. Похоже, на кухне уже знают, что меня надо усиленно кормить. На столе ждет тарелка макарон с мясными тефтелями, кофе со сливками и несколько тостов с апельсиновым джемом.

Надежда ловит мой удивленный взгляд:

– Кофе без кофеина, специально для вас привезли.

Эльвира не обращает на меня внимания. Что-то пишет в своем телефоне. Судя по улыбке – с кем-то общается. Перед ней на тарелке лежат нарезанные дольками фрукты. В чашке размером с наперсток налит черных кофе.

– Эля, а можно вопрос? – осторожно привлекаю внимание.

– М-м-м... да, конечно, – она продолжает что-то писать.

– У меня телефон не работает, нет связи.

Эля с минуту удивленно смотрит на меня, потом спохватывается:

– Ах да, совсем забыла. Мой муж параноик.

– Можно это как-то справиться?

– Витю?

– Нет, – вежливо улыбаюсь, оценив ее юмор, – проблемы со связью. Вы же как-то пользуетесь мобильным.

Киваю на телефон в ее руках.

– Дома вай-фай, – поясняет она. – Но это защищенная линия, только для членов семьи.

Ясно. Я не член семьи.

– Значит, совсем никак?

– Извини, – она улыбается, но глаза остаются безразличными. – В гостиной есть городской. Можешь им пользоваться, если надо.

– Да, Надежда уже сказала, – опускаю голову.

Эля поднимается из-за стола.

– Мне нужно сегодня в город поехать, – спешу сказать, пока она не ушла.

Она смотрит на меня сверху вниз:

– И?

– Ну, насколько помню, моя свобода по контракту не ограничена...

Эля поднимает брови. Напоминает с легкой улыбкой, только прищуривается слегка:

– У тебя сегодня по расписанию встреча с нашим семейным доктором и психологом.

– Я уже была у психолога в клинике. Думаю, семейный врач тоже ничего нового не найдет. Результаты анализов у меня на почте. Могу вам переслать, – поясняю, начиная волноваться. – Просто мне очень нужно в город. Пожалуйста.

– Ладно. Я с тобой съезжу, – задумчиво тянет Эля. – Куда ты собралась?

А вот это в мои планы не особо вписывается. Не надо мне свидетелей.

Не зная, что придумать, вру, что хочу зайти в Торговый центр, купить дочке игрушек. Но это не совсем ложь, потому что в Центр я тоже зайду.

– Будь готова на десять, – кивает Эля. – Я как раз собиралась к подруге.

У меня еще час.

Довольная бегу в гостиную, к телефону. Звоню маме, слышу радостный голосок Настены – и внутри все замирает от щемящей радости.

– Как там Илья? – спрашивает мама.

– Пока не знаю. Собираюсь к нему.

– Понятно, потом расскажешь.

– Да, позвоню попозже.

Я помню: этот телефон прослушивается. Виктор и правда параноик. Кстати, странно, что ни его, ни Владимира не было за завтраком. Интересно, чем они заняты?

Отмахиваюсь от этих мыслей: какая мне разница? Но они, как заведенные, снова и снова возвращаются к Володе. Что-то внутри меня предвкушает новую встречу с этим мужчиной, и в то же время боится.

В машине Эля сама за рулем. Нет ни водителя, ни охраны, что удивляет меня.

Мы выезжаем из закрытой зоны поселка, и мой мобильник начинает разрываться от системных сообщений о пропущенных звонках. Там есть и от Ильюшиного врача.

– Выключи звук, – морщится Эля. – Где тебя посадить?

Нычаю гипермаркет рядом с больницей. Она кивает.

– У тебя есть три часа, – разглядывает свое лицо в зеркале заднего вида. – Можешь не торопиться, но как только закончишь с покупками, то наберешь меня – и я подъеду. Вместе вернемся. Поняла?

– Так, может, я сама? На такси?

– Какое «сама»? Наберешь обязательно. Никаких этих. Как их там. Маршруток, – дает она указание.

Послушно киваю. Меня подвозят к торговому центру, как я и просила.

Несколько минут брожу по первому этажу, дожидаясь, по-

ка Эля уедет. Покупаю фрукты в одном из отделов, в другом – плюшевого зайца. Но едва машина скрывается за поворотом – вылетаю на улицу. Направляюсь в клинику «Эдельвейс» через дорогу.

В детское отделение.

Меня приветственно встречают на рецепции. Я надеваю бахилы и маску, топаю за медсестрой.

– Как там Илюша? – спрашиваю ее.

– Нормально. Мы уже покормили его.

– Как он себя чувствует?

– Слабо, но уже бодрячком. Вас главврач хотел видеть, по поводу операции. Мы не могли дозвониться.

– Да, конечно. Я к нему зайду.

Вскоре мы оказываемся у палаты. Здесь четыре кровати, но занята только одна. Русоволосый мальчик приподнимается, увидев меня в дверях:

– Мама! – он смотрит на меня радостными глазами. – Ты пришла!

Бледный, с мешками под глазами. Трубки от его тела идут к аппарату гемодиализа.

Илье было всего два годика, когда мы с его отцом поженились. Он не знал другой матери, кроме меня, и не знает, что я ему неродная.

– Привет, Илюш, – говорю, подходя ближе. – Смотри, что я тебе привезла.

Показываю на зайца и пакет с фруктами в руках. Мальчик

пытается встать, но медсестра напоминает: идет процесс гемодиализа. Так что он оставляет попытки, только нетерпеливо поглядывает на меня.

В палате много его вещей: игрушки, одежда.

Сначала мы приезжали в клинику всего три раза в неделю – этого было достаточно. Но потом Илье резко стало хуже. Почки начали отказывать, его положили в стационар. Врач сказал искать донора и деньги на операцию.

Вот я и пошла на это суррогатное материнство, лишь бы ему помочь. Деньги нашла. А где искать донора, даже не представляю.

– Ты как тут? – сажусь к нему на кровать.

– Хорошо, но вставать нельзя, – жалуется он.

– Потерпи, – подбадриваю его, вручая зайца. – Еще немного осталось. Скоро тебя вылечат.

– Спасибо, – он улыбается и сжимает новую игрушку. – Я домой хочу, мне тут скучно.

– Да, мой хороший, – глажу его по голове, а сама поднимая лицо к потолку, чтобы слезы не выкатились из глаз. – Все будет хорошо.

– А как Настя? Ее в садике не обижают мальчишки?

– С ней все хорошо, она погостит у бабушки. Вот, смотри, я для тебя фото сделала.

Показываю ему Настюху с ящиком моих игрушек.

Мне нравится в Илюше то, что несмотря на свою болезнь, он всегда говорит, что будет защищать Настю. Очень пози-

тивный мальчик. С ним поговоришь – и настроение поднимается. Просто наше маленькое семейное солнышко.

– Мам, а ты ко мне придешь завтра?

– Постараюсь... А знаешь, – меня осеняет внезапная мысль, – я тебе телефон куплю!

– Правда? – у него глаза загораются.

– Да! Ты уже большой мальчик, скоро семь лет будет. Куплю такой, чтобы ты мог на нем мультики смотреть. Тут же есть интернет?

Поверяю свой смартфон. Он показывает, что есть бесплатный вай-фай. Вот и отлично! Мама сказала, что Настина пенсия ей не нужна, а я тоже в доме Барковских на всем готовом. Вот и куплю за Настины деньги пасынку телефон.

– Хорошо, – он тяжело выдыхает. – А то Митька из пятой палаты хвастается, что у него есть телефон. Они там «Наруто» смотрят.

Мне стыдно, что я об этом раньше не подумала. Точнее, хотела как можно дольше убереечь детей от всех этих гаджетов, онлайн-игр, интернета и соцсетей. Видела, что у Вики сын не отлипает от своего смартфона. Она не считает это проблемой, но...

Не хочу, чтобы мои дети сидели вот также, как зомби, уставившись в экран. Дети должны двигаться: прыгать, бегать, дурачиться и смеяться. Доучать взрослым и делать глупости.

Так говорит моя мама, и я с ней согласна. А Сережа назвал

меня старомодной, когда я запретила дарить Илье планшет на четвертый день рождения. Мы тогда поругались...

– Катерина Павловна, – зовет медсестра. – Федор Евгеньевич уже в отделении.

Отгоняю воспоминания, прощаюсь с Ильей и с некоторым страхом выхожу в коридор.

Почему главврач сам сюда пришел? Надеюсь услышать от него хорошие вести.

– А тут у нас палаты для сложнобоьных детей, – у соседней палаты слышу голоса.

Там стоит группа мужчин в белых халатах. Все кивают и что-то записывают в свои телефоны.

– Катерина? – раздается удивленный хриплый голос. – Это вы?

Я замираю. Почти не дыша поднимаю взгляд.

Так и есть.

Владимир Барковский собственной персоной стоит посреди коридора вместе с владельцем больницы и главврачом.

Глава 9

– Это вы? – нервно сглатываю.

Не нравится мне эта встреча. И Барковский смотрит недружелюбно. Вряд ли рад видеть меня.

– Какими судьбами вы тут? – он хмурится.

– Владимир Данилович, это ваша знакомая? – спрашивает главврач, глядя на меня.

– Да, – тянет он. – Что ты тут делаешь?

Вот как. Сразу перешел на «ты», хотя мы почти не знакомы? Что ж, значит и я могу не церемониться. Задираю нос и говорю как можно безразличнее:

– Навещала больного.

– Кто лежит в этой палате? – Владимир небрежно кивает на дверь.

Но спрашивает не меня, а главврача.

– Одну минутку, – тот подходит к двери. Читает список пациентов, прикрепленный скотчем на рифленом стекле. – Сухомлинский Илья Сергеевич. Шесть лет.

Барковский переводит взгляд на меня.

– Если не ошибаюсь, ты тоже Сухомлинская. Кем этот мальчик тебе приходится?

И тут как назло ко мне подходит довольная медсестра с Ильюшиной картой. Вот не нашла другого времени!

– Катерина Павловна, пришло подтверждение. Донор най-

ден, операция вашего сына назначена на пятнадцатое ноября.

– Сына? – цедит Барковский, препарируя меня взглядом. – Операция?

– Владимир Дани... – начинаю, желая прояснить ситуацию.

Он не дает мне и рта раскрыть. Делает шаг вперед, стремительно сокращая расстояние между нами, и, словно в тисках, сжимает мою руку. Я морщусь от боли. Но он не замечает этого. Обращается к главврачу:

– Чем он болен? Федор Евгеньевич, можете мне сказать?

– Ну, врачебная тайна... – начинает тот неуверенно.

– Я недостаточно финансирую эту богадельню? – голос Барковского падает др угрожающего рыка.

Мне хочется провалиться сквозь землю. Он еще и спонсор клиники? Вот я попала! Надо все объяснить ему, но не здесь, не у дверей палаты, где Илья может меня услышать. И не при чужих ушах, которые потом начнут обсасывать эту новость. Вот выйдем отсюда, тогда и поговорим спокойно.

Главврач берет карту у медсестры, перелистывает страницы.

Я смотрю куда угодно, только не на Владимира. Хочется вырвать руку из его хватки и размять пальцы. Но стоит только пошевелиться, как он еще сильнее сжимает мою ладонь.

– Тихо, – цедит сквозь зубы.

Представляю, как это выглядит со стороны. Взяли сурро-

гатную мать, которая бегает в детскую палату интенсивной терапии. Боюсь представить, что он уже себе напридумывал.

Главврач зачитывает диагноз.

– Это заразная болезнь? – спрашивает Барковский.

– Нет, но очень коварная. Передается по наследству и может долго не проявляться.

– По наследству, значит...

– Я могу объяснить! – делаю вторую попытку.

Ага, могу. Но поверит ли он без доказательств? Все документы на Илью у мамы в селе и свидетельство об усыновлении тоже. Мы с Сережей нарочно оставили его там, чтобы дети случайно не нашли.

– Объяснишь, конечно, но позже. Федор Евгеньевич, – Барковский бросает короткий взгляд в сторону главврача, – прошу прощения. У нас тут семейные дела, не требующие отлагательств.

– Но, Владимир Данилович, все же хотелось бы знать, что вы решили...

– Я пришлю своих юристов. С ними все и обсудите. С меня – финансирование, с вас – отчет.

– Да-да, Владимир Данилович.

– Ну вот и прекрасно. Идем.

Он тащит меня за собой в сторону лестницы. Причем ему, похоже, плевать, что мне неудобно.

– Подождите, за мной должна Эля приехать, – пытаюсь затормозить.

Владимир резко останавливается и надвигается на меня:

– Ты поедешь со мной, а не с Элей. Только я еще не решил куда. Может, сразу на аборт? Моему брату не нужен больной ребенок!

У меня ноги подкашиваются.

Он прижимает меня к перилам. Дальше некуда отступить.

– Владимир Данилович! – мой голос дрожит. – Это не то, что вы подумали!

– А что тут думать? – он упирается ладонями в перила по обе стороны от меня. – И так все понятно. Решила по-быстрому легких денег срубить? Нет, я все понимаю: сына надо лечить. Тут все методы хороши, а? Даже обман!

Его губы раздвигает холодный оскал.

Я зажмуриваюсь, лишь бы не видеть убийственной ярости в этих синих глазах. У самой на ресницах наворачиваются слезы. От обиды внутри все кипит.

Хочу крикнуть, что все не так, но меня останавливает его телефон.

Звонок заставляет Владимира чертыхнуться. Он берет трубку и отодвигается от меня.

– Слушаю, да...

Я поспешно достаю свой телефон. Нужно позвонить Эле как можно быстрее. А может, вообще сбежать?

Украдкой оглядываюсь и натываюсь на ледяной взгляд Барковского:

– Даже не вздумай. Нет, это я не вам, – поясняет он в труб-

ку, – продолжайте.

Эльвира не спешит ответить на мой звонок. А больше звонить некому: номера Виктора у меня нет.

Быстро набираю сообщение Эле.

– Топай, – Владимир сжимает мое плечо и подталкивает вперед.

– Давайте спокойно поговорим! – пытаюсь воззвать к его разуму. – Я вам все объясню!

Но проще заставить камень услышать меня!

Этот мужчина будто нарочно игнорирует мои слова. Прет к выходу, как танк, таща меня за собой на прицепе, и тут же набирает по телефону кого-то.

– Объяснять будешь в суде, – цедит в мою сторону. – Когда мы выставим тебе и Центру репродукции неустойку. Ты скрыла от моей семьи такую информацию!

Я резко замираю.

– Суд?!

Они заставят меня вернуть деньги? Боже... где я такую сумму возьму?

– Давай, не тормози, – меня подхватывают под руку и силой тащат наружу. – Думаешь, будем с тобой церемониться?

– Да отпустите меня, – пытаюсь вырваться.

– Моей семье больной ребенок не нужен. Да, Вить, – это в трубку, – ты где? Отлично, жди. Сейчас приеду с твоей суррогаткой. Будешь решать, что с ней делать. Я все объясню при встрече.

– Вы псих! Ненормальный, – отталкиваю его от себя.

Но это все равно что отталкивать кирпичную стену. Ничего не получается.

– Веди себя спокойно, – он слегка встряхивает меня. – Не стоит полошить всю больницу. Тут же больные.

– Я же сказала, что все объясню!

Судя по всему, разговаривать с ним бесполезно: он слышит только себя и то, что хочет слышать. Не человек, а баран! Угораздило же меня с ним столкнуться!

От неприкрытого идиотизма ситуации даже страх проходит, остается одна злость.

На улице Владимир все-таки отпускает меня.

Надо что-то срочно придумать. Хотя бы добраться до Эли! Или дожждаться, пока она возьмет трубку.

Мой мучитель направляется к иномарке, думая, что я за ним, как холоп за барином, последую. Да фигушки ему.

Бросаюсь в другую сторону. Вылетаю за ограду клиники.

– Стой! – кричит Владимир.

Нагоняет меня на улице и вновь хватает за руку.

– Отпустите, – отталкиваю его.

Мимо проходят люди и косятся на нас.

– Ты сбрендила? – шипит он.

– А вы? Кидаетесь на человека прямо на улице, – возмущаюсь я. – Вот же будет интересно журналистам! Вы же стараетесь не афишировать свою жизнь, да? А тут такой скандал!

Беру его на «слабо», и это срабатывает. Значит, мои подозрения не обманули: братья Барковские очень темные личности. Может, какие-то криминальные бароны, раз так шифруются?

Желваки на лице Владимира продолжают играть, но он нехотя отпускает меня.

– Назови хоть одну причину, по которой я должен тебя слушать? – говорит, в упор глядя на меня.

Мой телефон звонит. Эльвира. Ну наконец-то. Я вскидываю голову и беру трубку.

Псих ненормальный этот Владимир. Думает, раз он богатый, то ему все можно.

– Эля, я закончила. Можете меня забрать? – стараюсь говорить ровно, но голос предательски дрожит.

– Ой, слушай, я тут еще занята. Вызови такси. Дворецкий оплатит по счетчику.

– Эля, – зову ее, но она бросает трубку.

Я опускаю смартфон и поднимаю взгляд на Владимира.

* * *

Барковский смотрит на меня так, словно все уже обо мне знает, все для себя решил. И что бы я ни говорила, как бы ни пыталась объяснить ситуацию – это уже не важно. Он смотрит как человек, который принял окончательное решение, и никто не сможет его разубедить.

Даже не знаю, как сказать ему, что Илья не мой сын. Он ведь потребует доказательства. Не поверит мне на слово. Решит, что я от больного ребенка открещиваюсь. Сначала скрыла его существование, а теперь вру, что он неродной.

Значит, нужно действовать иначе. Объяснить все при Эле и Викторе, сказать, что документы на усыновление лежат в деревне, у мамы...

Вот предлагала же купить ей смартфон! Так нет, отказалась, так с кнопочным и живет! А сейчас могла бы просто сфотографировать свидетельство и на мессенджер выслать. М-да... идиотская ситуация...

Без свидетельства об усыновлении мне никто не поверит!

– Пошли, – Владимир прерывает мои размышления, кивая в сторону своей иномарки.

– Я с вами никуда не поеду, – отступаю на шаг. – Можем поговорить прямо здесь. Хотя вообще не вижу причины объяснять вам что-либо.

– Ты права. Мне можешь ничего не объяснять. К тому же я не настроен слушать твои сказки.

Он делает шаг ко мне. Нависает как башня. Сейчас он кажется особенно высоким и мощным.

– Но у тебя внутри ребенок моего брата, – цедит с неприязнью. – Сейчас поедem к нему, и там ты все расскажешь. А затем мы вдвоем решим, что с тобой делать.

– Вы правильно сказали, – вздергиваю нос, – это ребенок вашего брата! Вы здесь вообще ни при чем. Хотите чтобы я

с вами куда-то поехала? Звоните Виктору! Пусть приезжает и забирает меня.

– Не понял, – Владимир сводит брови к переносице.

– А чего тут не понять? Я буду разговаривать только с Элей или ее мужем. С теми, кто мне заплатил. А не с вами! Вы тут вообще никто!

Похоже, мои последние слова не на шутку разозлили его.

Владимир хватает меня за руку. Но я успеваю отдернуть ее.

– Вот паршивка! – цедит он.

– А вы ненормальный! – отвечаю в тон ему. – Вам не стыдно угрожать беременной женщине? Или вы всегда так с людьми поступаете?

Мимо нас на стоянку перед больницей въезжает полицейский патруль. Владимир не обращает на машину никакого внимания. А вот я приосаниваюсь:

– Только троньте – я буду кричать! Полицейские арестуют вас за хулиганство!

– Кричи, – спокойно кивает он и складывает руки на груди. – Хочу посмотреть на этот спектакль.

Из полицейской машины выходит немолодой мужчина в форме. Скользит по нам безразличным взглядом, узнает моего спутника и расплывается в подобострастной улыбке.

У меня падает челюсть.

Владимир никак не реагирует на улыбку полицейского, продолжает смотреть на меня.

Я же в полной растерянности наблюдаю, как полицейский спокойно направляется к буфету, примостившемуся справа от больничного входа.

Ну, как же так?

Второй полицейский, который остался в машине, старательно отводит взгляд. Смотрит куда угодно, только не в нашу сторону.

У меня закрадывается неприятное ощущение: кажется, я серьезно попала. Даже полиция мне не поможет.

– Покричала? – спрашивает Владимир. – Понравилось? Теперь можем сесть в машину и спокойно поговорить?

У меня на глазах наворачивают слезы.

– Вы... вы, – я едва не задыхаюсь от нахлынувшего возмущения. – Да кто вы такой?!

– В данную минуту я тот, от кого зависит твоя дальнейшая жизнь, – отвечает он ровным тоном.

А у меня внутри все от страха сжимается. Он ведь не врет, не преувеличивает! Все так и есть. Моя жизнь в его руках. И я сама загнала себя в эту ловушку!

– Я... – глубоко вдыхаю, пытаюсь взять эмоции под контроль. – Я... ношу ребенка вашего брата. Прекратите мне угрожать! Вы же не хотите, чтобы случился выкидыш?

– Я уже не знаю, чего хочу, – выдает он странную фразу.

У меня внезапно темнеет в глазах. Может от перенапряжения, а может это побочный эффект беременности. Начинаю медленно оседать. И внезапно чувствую, что меня дер-

жат крепкие руки.

Владимир успел подхватить. Прижимает к себе. Я утыкаюсь носом в его пальто. Пряный аромат парфюма щекочет мне ноздри.

– Все, успокойся, – говорит он примирительным тоном. – Давай спокойно поговорим. Не будем никуда ехать, посидим в кафе, подождем Виктора или Элю. Согласна?

Я отстраненно думаю, что он очень высокий. Я ему ниже плеча. Но мне не нравится, что он так резко передумал.

– Вы ненормальный, – повторяю диагноз, шмыгая носом. – Сумасшедший псих.

– Я все-таки хочу услышать объяснения, – он игнорирует мои слова. – Вы укрыли важную информацию от моей семьи.

– У меня были на то причины, – пытаюсь отодвинуться, но он прижимает меня к себе еще крепче. – Дело очень серьезное, лучше объяснить все один раз и в присутствии всей семьи. Отвезите меня к Виктору и Эле, там я все расскажу. И отпустите уже меня, я не собираюсь падать в обморок.

Нервно дергаю плечом.

– Уверена?

Он наконец-то отпускает меня, отступает на шаг. Смотрит так, словно сомневается, что я могу стоять на ногах.

– Уверена.

– Хорошо, моему брату будет очень интересно услышать, что ты расскажешь.

Мы усаживаемся в иномарку Владимира. За рулем – во-

датель. Мы же устраиваемся на заднем сидении вместе.

Вот же гад. Мог и на переднее сесть!

Я сжимаю куртку до побелевших костяшек. Просто ненормальный мужчина. Представить себе не могу, что было бы, если б клиника стояла где-то на отшибе. Может, сразу бы в леске закопал.

Владимир спокоен, даже слишком спокоен. Но пугает он меня знатно. А взгляд такой пронзительный, что пробирает до мурашек.

Отворачиваюсь к окну. И все же чувствую спиной этот взгляд.

Ну и пусть смотрит, пусть хоть глаза сломает. Я ему ничего не должна. Буду с Виктором и Элей объясняться, но точно не с этим психом!

* * *

Офис Виктора находится в огромном бизнес-центре. Мы направляемся туда. На входе стоят охранники. Они выпрямляются и отлипают от стен, когда видят нас. Здравуются с Владимиром.

Мы входим в лифт, поднимаемся на самый верхний этаж и оказываемся в огромном холле.

– Сюда, – Владимир пропускает меня вперед.

Я вхожу в приемную, обставленную с элегантным шиком: вся мебель из натурального дерева, мягкие части обтянуты

кожей темно-бордового цвета.

– Виктор Данилович на встрече, – говорит секретарша, поднимаясь навстречу.

Она совсем молоденькая, лет двадцать. С кукольным лицом и огромным бюстом, который еле помещается в узкую блузку. Вон как пуговка натянулась, еще немного – и лопнет.

Но девушка этого не замечает. Стреляет подведенными глазками в сторону Владимира.

Тот безразлично кивает:

– Отлично, я подожду его в кабинете.

Направляется к двери, дергает ручку, но та закрыта.

– Не велено никого пускать, – тянет секретарша. – Подождите со мной в приемной.

И ведет пальцами по верхушке груди. Вот совсем не стесняется меня.

– Нет, – отвечает Владимир и достает из кармана ключ.

Под взглядом ошеломленной секретарши открывает дверь в кабинет.

Да, я тоже такого не ожидала...

Кабинет у Виктора огромный, целая студия, поделенная на несколько зон. Даже диван есть. Тоже кожаный, как и в приемной. Только белый. Наверное, уборщица замордовалась каждый день его намыывать.

– Садись, – кидает Владимир, а сам идет к рабочему столу. Я аккуратно сажусь на краешек.

– Владимир Данилович, но ведь нельзя, – хлопает нара-

ценными ресничками секретарша.

– Лариса, – он мрачно смотрит на нее.

– Лена, – тут же отзывается она.

– Ну или так. Ты разве не слышала новость?

– Какую? – она настороженно поглядывает на меня.

– Значит, Виктор еще не сообщил. Теперь мы тут вместе работать будем. Так что я твой непосредственный начальник. Наравне с Виктором Даниловичем.

– А, так вы насовсем вернулись? – она явно рада этой новости. – Мне сообщить остальным сотрудникам?

– Пока не было официального приказа, – говорит Владимир. – Но я уже потихоньку вхожу в дела. Сейчас должен приехать Виктор. Проследи, чтобы нас никто не беспокоил.

– Хорошо, – она кивает и достает из кармана смартфон. – Если понадобится, можете вызывать кнопкой коммутатора. Улыбаясь, выходит из кабинета.

Владимир откидывается в кресле и выжидательно смотрит на меня, а я молчу. Вот не скажу ни словечка, пока не приедет Виктор.

Отворачиваюсь в сторону стеклянного стеллажа, на котором стоят какие-то кубки. Делаю вид, что очень заинтересована.

Слышу, как Владимир хмыкает. Затем включает компьютер и шелестит бумагами. Вот и ладно. Пусть делом займется.

Вроде все спокойно, но я помню, как он на меня накинул-

ся. А затем обнял. Моя куртка до сих пор пахнет его парфюмом.

Дверь в кабинет открывается.

Глава 10

– Владимир, к чему такая спешка? – в кабинет входит Виктор. – По телефону не мог рассказать? Я, вообще-то был занят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.